

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ИССИ АДЛЕР- ОЛЬСЕН

РОМАН

Расследует
Отдел «Q»

ЖЕНЩИНА В КЛЕТКЕ

Книги Адлера-Ольсена больше, чем просто «нуар»...
и никаким душевным терзаниям и мукам не совладать с неумным
любопытством главного следователя из отдела «Q».

Library Journal

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Юсси Адлер-Ольсен

Женщина в клетке

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

Адлер-Ольсен Ю.

Женщина в клетке / Ю. Адлер-Ольсен — «Азбука-Аттикус»,
2007 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-19261-4

Карл Мёрк, начальник следственной бригады отдела убийств, потерял в перестрелке двух товарищей и впал в черную меланхолию, полностью утратив интерес к своей работе. Чтобы не лишиться талантливого следователя, начальство принимает решение перевести его в отдел «Q» — вновь созданное подразделение криминальной полиции, на которое возложено расследование безнадежных дел, некогда гремевших на всю страну, но оставшихся нераскрытыми. Первым в списке стало дело об исчезновении Мереты Люнггор, депутата датского парламента, успешной молодой женщины, которую буквально обожали журналисты за резкие публичные высказывания. В последний раз Мерету видели пять лет назад на пароме между Данией и Германией. С тех пор след ее потерялся. Что же это было: похищение или убийство? И кто мог приложить к происшедшему руку: ее политические противники, брат Уффе, потерявший дар речи в давней аварии, или загадочный поклонник, появившийся у Мереты незадолго до исчезновения?

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-389-19261-4

© Адлер-Ольсен Ю., 2007
© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Пролог	6
1	7
2	9
3	11
4	15
5	20
6	22
7	28
8	30
9	32
10	35
11	39
12	41
13	44
14	51
15	54
16	64
17	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юсси Адлер-Ольсен

Женщина в клетке

Посвящается Ханне Адлер-Ольсен.

Без нее бы источник иссяк

© И. П. Стреблова, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Она в кровь стерла пальцы, царапая гладкие стены, и до того сбила костяшки, молотя кулаками по толстому стеклу, что уже не чувствовала собственных рук. Не менее десяти раз она ощупью добиралась до стальной двери и, цепляясь ногтями за выступающий край, пыталась ее открыть, но дверь не поддавалась ни на миллиметр, и она только поранилась об острую кромку.

Под конец, обломав все ногти, она, тяжело дыша, опустилась на ледяной пол. Сердце отчаянно билось. На миг она застыла, уставившись широко раскрытыми глазами в кромешную тьму, потом закричала. Она кричала, пока не перестала себя слышать, а может, ей изменил голос.

Тогда она запрокинула голову и снова ощутила ветерок, дувший откуда-то из-под потолка. Может быть, она достанет до того места, откуда он идет. Надо только разбежаться, подпрыгнуть и ухватиться за что-нибудь. А вдруг тогда удастся что-то сделать?

Или это вынудит прячущихся за стеной негодяев войти. И тогда, наверное, получится ткнуть им в глаза пальцами и ослепить. Если она будет действовать быстро, то, наверное, сумеет выскочить.

Облизав окровавленные пальцы, она села, засунув под себя руки ладонями к полу. Подняла невидящий взгляд и попыталась различить во тьме потолок. Вдруг он так высоко, что не допрыгнешь? Или там не за что уцепиться? Но попробовать надо – что еще остается делать?

Сняв куртку, она аккуратно положила ее в угол, чтобы не попала под ноги. Затем резко оттолкнулась и прыгнула вверх, вытянув руки как можно дальше, но обнаружила лишь пустоту. Повторив попытку несколько раз, она отошла к задней стене, секунду постояла, собираясь с силами, затем разбежалась и снова подпрыгнула, размахивая руками, будто ловя ускользающую надежду. Приземляясь после прыжка, она поскользнулась, упала и сильно ударилась плечом о бетонный пол, а головой о стену; из глаз посыпались искры, и она застонала от боли.

Больше не пытаясь что-то предпринять, она осталась лежать на полу. Очень хотелось плакать, но она этого себе не позволила. Если тюремщики за стеной слышат ее, то могут принять слезы за сигнал капитуляции, но это не так. Сдаваться она не собирается.

Она будет делать то, что в ее власти. Для них она – женщина в клетке, но степень ее внутренней свободы зависит только от нее. Она будет думать о том, что связывает ее с миром на воле и ограждает от безумия. Они никогда не заставят ее склонить голову. Она приняла это решение вопреки боли, которая пульсировала в плече и в опухшем глазу.

Рано или поздно, но она все равно отсюда вырвется.

1

2007 год

Подойдя к зеркалу, Карл провел пальцем по шраму на виске. Рана зажила, но след от пули легко разглядеть под волосами, если присмотреться.

«Да с какой стати кто-то будет присматриваться?» – подумал он, изучая свое отражение.

Лицо его заметно изменилось: появились глубокие складки возле губ, круги под глазами, безразличие во взгляде. Нынешний Карл Мёрк стал непохож на прежнего детектива, для которого работа составляла смысл жизни, рослого, элегантного ютландца, при виде которого иные приподнимали брови и невольно улыбались. Впрочем, на кой черт ему это надо?

Застегнув рубашку, он надел куртку, допил кофе и так хлопнул на прощание дверью, что остальные жильцы сразу поняли: хватит валяться в постели. Мельком глянув на дверную табличку, он отметил: пора наконец ее сменить. Вигга съехала отсюда давным-давно, можно сказать, в незапамятные времена. И хотя развод еще не оформлен, этот заезд уже позади.

Карл повернулся и направился к Хестестиен. Если успеть на поезд, который отходит через двадцать минут, можно будет полчаса провести в больнице у Харди, а уж потом идти на работу – в Управление полиции.

Увидев за деревьями красное здание церкви, он напомнил себе: как же сильно ему тогда повезло! Всего на два сантиметра правее, и Анкер был бы сейчас жив. Всего на сантиметр левее, и убитым оказался бы сам Карл. Такой пустяк спас его от путешествия по зеленым полям и мимо хладных могил, до которых отсюда с полкилометра.

Карл пытался представить себе это, но получалось с трудом. О смерти ему известно было не так уж много: только то, что она порой приходит неожиданно, как удар молнии, и наступает великая тишина.

Зато он много знал о том, какой жестокой и бессмысленной смертью иногда приходилось умирать людям. С этим ему доводилось сталкиваться нередко. Первую жертву убийства он увидел всего через три недели после окончания полицейской школы и запомнил это зрелище навсегда. Это была хрупкая маленькая женщина, которую задушил собственный муж. И потом еще много недель Карла преследовали ее потухшие глаза и застывшее лицо.

За первым делом последовало множество других. Каждое утро он внутренне готовил себя к встречам с этими картинками: окровавленная одежда, восковые лица, дышащие холодом фотографии. Каждый день выслушивал, как люди врут и оправдываются. Каждый день приносил новое преступление, но постепенно Карл стал воспринимать их все более и более отстраненно. Двадцать пять лет службы в полиции, из них десять в отделе убийств, притупили его впечатлительность.

Но однажды ему встретилось дело, которое пробило броню. В тот день его с Анкером и Харди послали в гнилой барак на немощенной, грязной улочке на Амагере¹, где ждало очередное мертвое тело, в истории которого им предстояло разобраться.

Как обычно, одного из соседей насторожила вонь. Казалось бы, ничего особенного – просто одинокий пропойца испустил дух, лежа в собственном дерьме, но тут обнаружилось, что из головы у него торчит гвоздь, всаженный при помощи строительного пистолета. Из-за этого гвоздя делом занялся отдел убийств полиции Копенгагена.

Происшествие выпало на дежурство группы под началом Карла. В принципе, ни он сам, ни его помощники не возражали, хотя не обошлось без крепких выражений по поводу лишней нагрузки и медлительности других команд. Но кто же мог предвидеть фатальный исход этого выезда? Не прошло и пяти минут после того, как они ступили в полную трупной вони квартиру,

¹ Амагер – остров, на котором расположен один из районов Копенгагена. – *Здесь и далее примеч. перев.*

и Анкер уже лежал на полу в луже крови, Харди сделал последний в жизни шаг, а в Карле навсегда погас огонек, без которого невозможно работать в отделе убийств.

2

2002 год

Газеты-сплетницы обожали вице-председателя Демократической партии Мерету Люнгор: за острые реплики с трибуны фолькетинга², за полное отсутствие трепетной почтительности к премьер-министру и его подпевалам. За женскую прелесть – дразнящие глаза и очаровательные ямочки на щеках. За молодость и ранний успех, а главное, за то, что давала пищу для различных догадок: отчего такая талантливая и красивая женщина до сих пор ни разу не была замечена в обществе мужчины.

Мерета Люнгор поднимала тираж газет. Лесбиянка или нет, но она постоянно обеспечивала им стоящий материал.

И прекрасно это понимала.

– Почему ты не хочешь сходить куда-нибудь с Таге Баггесеном? – спросила ее секретарша. Обходя лужи, они на цыпочках пробирались к маленькой голубой «ауди» Мереты на стоянке на площади Ригсдага у дворца Кристиансборг.

– Я-то знаю, многие рады были бы куда-нибудь тебя пригласить, а Баггесен вообще ума лишился. Сколько раз он подъезжал с приглашением? Наверное, ты уже потеряла счет записочкам на столе? Между прочим, он и сегодня что-то принес. Мерета, дала бы ты ему хоть один шанс!

– Если хочешь, можешь забрать его себе, – сказала Мерета, укладывая на заднее сиденье стопку папок. – Марианна, ну на что мне сдался докладчик по вопросам транспорта от радикалов-центристов, ты можешь сказать? Что я ему – объездная дорога в Хернинге³, что ли?

Мерета подняла взгляд и посмотрела на музей «Арсенал». Какой-то человек в белой куртке фотографировал здание. Может быть, он сфотографировал и ее? Мерета помотала головой. Ощущение, что за ней постоянно наблюдают, начинало ее раздражать. Просто паранойя какая-то! Надо что-то с этим делать.

– Таге Баггесену тридцать пять лет, и он чертовски симпатичный. Пару килограммчиков ему, пожалуй, не мешало бы сбросить, зато у него есть вилла в Вейбю. Да, кстати, в Ютландии тоже, а то и несколько. Чего тебе еще надо?

Взглянув на секретаршу, Мерета с сомнением покачала головой:

– Да, ему тридцать пять, а он живет у маменьки. Ты, похоже, от него совсем голову потеряла, так что бери его себе! Пожалуйста, он твой!

Взяв из рук секретарши еще одну стопку папок, она поместила их на заднее сиденье к остальным. Часы на приборной доске показывали 17:40. Она уже опаздывала.

– Твой голос на вечернем заседании был бы не лишним, – заметила Марианна, но Мерета лишь пожала плечами:

– Ничего, как-нибудь обойдусь без меня.

С самого начала своей работы в парламенте она договорилась с председателем группы демократов, что после восемнадцати часов будет свободна, если только не назначат заседание комитета или голосование.

– Без проблем, – ответил он тогда, прекрасно зная, сколько голосов привлекает Мерета. А раз так, то и сейчас нечего волноваться.

– Ну, Мерета! Скажи уж, куда ты собралась? – снова спросила секретарша, шаловливо заглядывая ей в глаза. – Как хоть его зовут?

² *Фолькетинг* – датский парламент.

³ *Хернинге* – датский город в западной части Ютландии.

Мерета только улыбнулась и захлопнула дверцу. Пора, кажется, заменить Марианну Кох кем-нибудь другим.

3

2007 год

Начальник отдела по расследованию убийств Маркус Якобсен со стороны казался безалаберным человеком, но внешняя безалаберность нисколько не мешала ему работать. В его изощренном мозге все было аккуратно разложено по полочкам, а память не упускала ни одной детали, и даже спустя десять лет он без труда мог вспомнить любую мелочь.

Вот только суета, когда в помещение набивалась куча сотрудников, выводила его из равновесия. Они толклись тут, еле протискиваясь между раскладными столами и горами канцелярских папок, – просто светопреставление какое-то.

Он взял со стола свою щербатую кружку с портретом Шерлока Холмса и залпом допил остывший кофе, в десятый раз за утро вспоминая про полпачки сигарет в кармане. Черт бы побрал это проклятое распоряжение, из-за которого теперь даже во дворе нельзя устроить себе маленький перекур!

– Послушай! – обратился Маркус Якобсен к своему заместителю Ларсу Бьёрну, которого попросил задержаться после окончания совещания. – Если мы ничего не предпримем, то это дело об убийстве велосипедиста в парке Вальбю доведет нас до ручки.

Ларс Бьёрн кивнул.

– И надо же было Карлу Мёрку именно сейчас вернуться и забрать у нас четырех лучших следователей! Все им недовольны, а кому сыплются жалобы? – Ларс потыкал себя пальцем в грудь, словно ему одному приходилось разгребать чужое дерьмо. – Вечно опаздывает на работу, гоняет своих людей, роется в делах, не отвечает на вызовы, в его конторе царит хаос. Нам уже жаловались из судебно-медицинской лаборатории, а ведь они с ним только по телефону поговорили. Из судебно-медицинской лаборатории, ты понимаешь? Нет, с этим пора что-то делать! Что бы там ни пережил Карл, это нельзя так оставить. Иначе отдел не сможет нормально работать!

Представив себе Карла, Маркус приподнял брови. Вообще-то, он хорошо относился к нему как к работнику, но этот вечно иронический взгляд и язвительные замечания кого хочешь могли довести до белого каления – Маркус знал это по собственному опыту.

– Да уж, в этом ты прав. Только Харди и Анкер и могли с ним договориться. Впрочем, они и сами были со странностями.

– Знаешь, Маркус, никто прямо этого не говорит, но, если честно, вообще-то, работать с Карлом – просто какое-то наказание. И началось это не сейчас. Он непригоден для работы в коллективе, где все друг от друга зависят. Почему ты взял его сюда из Беллахоя?⁴

– Ларс, он был и есть потрясающий сыщик. – Маркус твердо посмотрел в глаза Бьёрну. – Вот почему.

– Ну да, ну да, я знаю, мы не можем просто взять и выставить его из отдела, тем более в нынешних обстоятельствах. Но тогда придется поискать какой-то другой выход.

– Прошла всего неделя, как он вышел с больничного, и мы должны дать ему шанс. Может быть, надо его побережь и найти ему что-то полегче?

– Ты думаешь? В последние недели на нас свалилось столько новых дел, что я не понимаю, как мы справимся. И некоторые из них, сам знаешь, особо сложные. Пожар на Америкавай – что это было: поджог или не поджог? Ограбление на Томгорсвай, когда был убит посетитель банка. Изнасилование и убийство в Торнбю, поножовщина с убийством в молодежной банде в районе Сюдхавн, убийство велосипедиста в парке Вальбю. Достаточно или продолжить? В придачу целая куча старых дел. Причем ко многим мы даже не нашли как подсту-

⁴ Беллахой – район Копенгагена.

питься. А тут такой начальник группы, как Мёрк! Нерасторопный, строптивый, всем недовольный, склочный, недоброжелательный с коллегами, он же вот-вот развалит весь отдел! Этот человек для всех нас прямо бельмо в глазу! Знаешь что, Маркус, пошли-ка ты его ко всем чертям, а сюда надо влить свежей крови. Я понимаю, что это жесткий подход, но вот тебе мое мнение.

Начальник отдела убийств кивнул. Во время совещания он обратил внимание на настроение подчиненных: они показались ему угрюмыми, злыми и уставшими. Понятное дело, никому не нравится, когда тебя топчут ногами!

Заместитель отвернулся к окну и, глядя на противоположную сторону улицы, сказал:

– По-моему, я могу предложить подходящее решение. Возможно, профсоюз начнет артаться, но едва ли.

– Господи, Ларс! Не хватало мне только еще вступать в стычки с союзом! Если ты надумал понизить его в должности, они тотчас же за него вступятся.

– А мы спихнем его путем повышения!

– Ах вот как!

Для Маркуса настал момент, когда требовалось проявить осторожность. Заместитель – великолепный сыщик с огромным опытом, на его счету множество раскрытых дел, но в области кадровой политики ему еще многому предстоит учиться. Просто взять и выпихнуть человека, с понижением ли, с повышением, – так дела не делаются.

– Ты, значит, предлагаешь выпихнуть его наверх? И куда же? Кто, по-твоему, должен освободить для него место?

– Я знаю, ты сегодня не спал почти всю ночь, а затем все утро был занят этим проклятым убийством в Вальбю, поэтому не мог следить за новостями. Но разве ты не слышал, что происходило в последние часы в Кристиансборге?

Начальник отдела убийств помотал головой. На него действительно свалилась куча хлопот в связи с новым поворотом в деле об убийстве велосипедиста в парке Вальбю. До вчерашнего вечера у них имелась хорошая, надежная свидетельница, и было совершенно очевидно, что женщина рассказала еще далеко не все. Никто не сомневался, что расследование вот-вот перейдет в решающую фазу. И вдруг свидетельница замкнулась и замолчала как рыба. Кому-то из ее окружения, по-видимому, пригрозили – только этим можно было объяснить такую перемену. Они допрашивали ее до посинения, побеседовали с ее дочерьми и матерью, но никто ничего не пожелал сказать. Женщин явно запугали. Да, Маркусу действительно было в эту ночь не до сна, поэтому он не знал никаких новостей, кроме тех, что были вынесены в заголовки утренних газет.

– Что? Опять Датская партия?

– Она самая, – подтвердил заместитель. – Их докладчик по правовой политике снова выступила с предложением продлить соглашение о полиции и на этот раз получила большинство голосов. Оно принято, Маркус. Пив Вестергор добила своего.

– Быть этого не может!

– Двадцать минут она резала с трибуны правду-матку, и правительственные партии, разумеется, ее поддержали, хотя для консерваторов это был нож острый.

– Ну и?..

– А как ты думаешь? Она привела четыре примера дел о тяжких преступлениях, положенных под сукно, которые, по ее мнению, общество не должно оставлять нераскрытыми. И в запасе у нее имелось еще много такого добра, скажу я тебе.

– Черт знает что! Неужели она думает, что полиция по своей прихоти бросает такие дела нераскрытыми?

– Она намекала, что в делах определенного типа это может быть одной из причин.

– Ерунда! Какого такого типа эти дела?

– Среди прочего те, в которых речь идет о преступлениях, совершенных по отношению к представителям Датской партии и либералов. Имеются в виду дела, прогремевшие на всю страну.

– Да она просто ненормальная!

– Тебе так кажется? – Заместитель покачал головой. – Но это еще не все. Она назвала дела о пропавших детях, дела о политическом терроре и преступления, отличающиеся особой жестокостью.

– Это же откровенная погоня за голосами!

– А как же! Иначе она бы не выносила эти вопросы на заседание фолькетинга. Сейчас они занялись этим вместе – все партии собрались в Министерстве юстиции на переговоры. Принятые документы косяками летят в Министерство финансов. Если хочешь знать мое мнение, постановление будет принято в течение ближайших двух недель.

– И в чем же оно должно заключаться?

– В том, что будет создан новый отдел криминальной полиции. Она сама предложила назвать его отделом «Q»⁵ в честь Датской партии. Не знаю, может быть, она пошутила, но так оно и будет. – Ларс кисло усмехнулся.

– А его назначение? То же самое?

– Да, на отдел возложены дела, «заслуживающие особого внимания», как они это назвали.

– Заслуживающие особого внимания, – повторил Маркус и кивнул. – Узнаю лихой стиль Пив Вестергор. Звучит впечатляюще. И кто же, скажи, пожалуйста, будет определять, какие дела заслуживают этого внимания? Она что-нибудь такое говорила?

Заместитель только пожал плечами.

– Ну ладно! – кивнул шеф. – Нам снова поручено делать то, что мы делали и раньше. Ну а дальше что? Что это значит для нас?

– Этот отдел находится под патронатом государственной полиции, но чисто административно будет, по всей видимости, подчинен отделу убийств копенгагенской полиции.

Начальник отдела убийств от неожиданности так и разинул рот:

– Ну и дела! Что значит – «чисто административно»?

– Мы планируем бюджет и пишем отчеты. Предоставляем конторский персонал и помещение.

– Не понимаю! Это что ж – отдел копенгагенской полиции должен будет теперь заниматься еще и расследованием стародавних дел полицейского округа Йёрринга? Округа на это ни за что не пойдут. Они захотят иметь в отделе своих представителей.

– Это не предусмотрено. Предполагается, что новый отдел снимет с округов часть нагрузки, а не добавит им новых задач.

– То есть под крышей этого отдела будет создана еще и выездная бригада для расследования безнадежных дел? И все силами моих сотрудников? Ну уж нет! Не бывать этому!

– погоди, Маркус, ты сперва выслушай! Речь идет только о том, чтобы изредка, в виде исключения, выделять на несколько часов двух-трех человек. Это же так, мелочь!

– Какая там мелочь!

– Ладно, если хочешь, давай я скажу все своими словами, согласен?

Начальник отдела только потер лоб. Разве он мог тут что-то поделать?

– Маркус! На это выделяются деньги. – Ларс сделал паузу и многозначительно посмотрел на начальника. – Не очень много, но достаточно, чтобы оплачивать одну штатную единицу и заодно перекачать в наш отдел два-три миллиона. Это дополнительное финансирование, которое нам ничего не будет стоить.

– Два-три миллиона? – Начальник подумал и кивнул. – Хорошо!

⁵ В избирательном списке каждая партия обозначается какой-либо буквой алфавита.

– Неплохо придумано? Мы молниеносно откроем новый отдел. Они ожидают, что мы встанем на дыбы, а мы и не подумаем. Мы выдвинем встречное предложение и составим бюджет без уточнения задач нового отдела, а затем назначим Карла Мёрка его руководителем. Руководить ему особенно не придется, потому что он будет единственным работником. Причем от всех остальных он будет отодвинут на безопасное расстояние, уж это я тебе обещаю.

Карл Мёрк во главе отдела «Q»! Маркус Якобсен представил себе эту картину. Отдел, который способен существовать на бюджет менее миллиона в год, включая разъезды, лабораторные исследования и все прочее. Если запросить для него пять миллионов в год, то за его счет отдел убийств можно увеличить на две следовательские группы. Пускай они преимущественно занимаются старыми делами. Может быть, не теми, которые поручены подразделению «Q», но чем-то в этом роде. Неопределенность, отсутствие четко прописанных задач – вот что тут главное. Гениально! Иначе не скажешь.

4

2007 год

Харди Хеннингсен был самым рослым из всех сотрудников, которые когда-либо работали в Управлении полиции. Согласно документам воинского учета, его рост составлял два метра семь сантиметров, хотя, скорее всего, он был еще выше. При всех задержаниях первым выступал Харди: когда он зачитывал задержанному его права, тому приходилось заирать голову. Обычно это производило сильное впечатление.

В настоящий момент рост Харди из преимущества превратился в недостаток. У Карла создалось впечатление, что за все время пребывания в больнице тому ни разу не удалось расправить свои длинные ноги. Карл говорил сиделке, что надо бы убрать спинку в изножье кровати, но это, вероятно, было не в ее компетенции.

Харди не разговаривал. Телевизор у него работал сутками напролет, в палату заходили люди, но он ни на что не реагировал. С тех пор как его привезли в Хорнбэк, в клинику спинномозговых травм, он только лежал пластом и пытался как-то жить: жевать пищу, немного подвигать плечами. Все, что ниже шеи, ему не повиновалось, и во всем остальном его парализованное, непослушное тело зависело от манипуляций сиделки. Пока его подмывали, кололи иглками, меняли мешочки для испражнений, он мог лишь смотреть в потолок. И почти ничего не говорил.

– Сегодня, Харди, я первый день выхожу на службу, – сказал Карл, поправляя ему перину. – Работа над этим делом идет вовсю. Пока результатов еще нет, но они обязательно найдут тех, кто нас подстрелил.

Тяжелые веки Харди даже не дрогнули. Он не удостоил взглядом ни Карла, ни трескучий, пустопорожний репортаж о выселении обитателей Молодежного дома⁶.

Казалось, ему все одинаково безразлично. В нем не осталось даже злости. Карл понимал его, как никто другой. Хотя он и не показывал этого при Харди, ему тоже было на все это совершенно наплевать. Абсолютно до лампочки, кто в них тогда стрелял. Какая разница? Мало ли на свете подонков!

Он коротко кивнул сиделке, которая вошла с новой капельницей. В прошлый раз она попросила его выйти, пока будет приводить в порядок Харди. Тогда Карл не послушался, и, очевидно, она этого не забыла.

– Вы уже здесь? – не приветливо спросила она и посмотрела на часы.

– Мне удобнее заходить перед работой. Вы что-то имеете против?

Она снова взглянула на часы – поздновато, мол, на работу собираешься! Потом вынула из-под одеяла руку Харди и проверила катетер для капельницы на кисти.

Отворилась дверь, и в палату вошла женщина-физиотерапевт. Ей предстояла нелегкая работа.

Карл похлопал по простыне, под которой проступали очертания правой руки Харди.

– Здешние барышни жаждут побыть с тобой наедине, так что я убегаю. Завтра приду пораньше, и мы сможем поговорить. Держись молодцом!

Унося с собой больничный запах, Карл вышел в коридор и прислонился к стене. Рубашка прилипла к телу, и пятна под мышками расплылись еще шире. После той перестрелки ему не много было надо, чтобы утратить душевное равновесие.

Как обычно, Харди, Карл и Анкер прибыли к месту убийства раньше всех, облаченные в белые одноразовые спецовки с масками-респираторами, перчатками и шапочками, как это

⁶ Молодежный дом – старинное здание бывшего Народного дома, предназначенное под снос и с 1982 года занятое молодежью левых взглядов. В 2007 году его обитатели были выселены с помощью полиции.

было предписано для подобных случаев. Тело старика с гвоздем в голове обнаружили всего полчаса назад. От Управления полиции сюда было рукой подать.

В тот раз с осмотром трупа пришлось подождать. Насколько было известно, начальник отдела убийств сидел на совещании у префекта полиции по вопросу структурной реформы, однако собирался присоединиться к ним как можно скорее, вместе с главным районным врачом. Никакие бюрократические мероприятия не могли помешать Маркусу Якобсену самостоятельно явиться на место преступления.

– Вокруг дома техники вряд ли найдут что-то интересное, – сказал Анкер, ковырнув землю носком ботинка.

Почва была мокрая и рыхлая после ночного дождя.

Карл огляделся. Возле армейского барака, проданного военным ведомством в числе других таких же в шестидесятые годы, почти не видно было следов, кроме тех, что остались от деревянных башмаков соседа покойного. В свое время эти бараки, вероятно, были в отличном состоянии, но давно потеряли привлекательный вид: стропила просели, толь на крыше потрескался, в обшивке стен не осталось ни одной целой доски, а сырость довершила дело. Сгнила даже табличка на двери, на которой черным фломастером было написано «Георг Мадсен». Вдобавок ко всему из щелей несло трупным запахом. Не дом, а смрадная трущоба.

– Пойду потолкую с соседом, – сказал Анкер и направился к стоявшему в сторонке человеку, который терпеливо дожидался уже полчаса.

Веранда его домика отстояла от барака всего метров на пять. Когда барак снесут, вид из окна определенно станет лучше.

Харди легче всех переносил трупный запах: то ли оттого, что самая густая вонь на высоту его роста не поднималась, то ли обоняние у него было хуже, чем у остальных. На этот раз смрад стоял особенно жуткий.

– Черт знает что, до чего тут воняет! – бурчал Карл, надевая в коридоре пластиковые бахилы.

– Давай я открою окно, – предложил Харди и шагнул из тесной прихожей в боковую комнату.

Карл прошел вперед в крошечную гостиную. Сквозь опущенные жалюзи в нее почти не проникал свет, однако и этого хватило, чтобы разглядеть сидящую в дальнем углу фигуру с зеленовато-серым лицом, сплошь покрытым сморщенными пузырями. Из носа стекала струйка красноватой жидкости, рубашка чуть не лопалась на распухшем туловище. Глаза были словно из стеарина.

Надевая перчатки, Карл услышал за спиной голос Харди:

– Гвоздь в голову забит при помощи газового строительного пистолета. Он лежит рядом на столе. Там же электрическая отвертка на батарейках, она еще не разрядилась. Надо будет выяснить, сколько времени она выдерживает без подзарядки.

Они едва успели осмотреться в помещении, как к ним присоединился Анкер.

– Сосед переехал сюда шестнадцатого января, – сообщил он. – То есть всего десять дней назад. При нем покойный, – тут он махнул в сторону трупа и огляделся, – ни разу не выходил из дома. Сосед расположился посидеть на веранде, наслаждаясь результатами глобального изменения климата, и оттуда почувствовал запах. Бедняга пережил большое потрясение. Наверное, нужно попросить районного врача, чтобы заглянул к нему.

То, что случилось в следующий миг, Карл потом вспоминал очень смутно. Отчаявшись добиться четкого рассказа о событиях, его оставили в покое и решили, что он находится в бессознательном состоянии. Однако это было не так. На самом деле Карл помнил все даже слишком хорошо, только не хотел вдаваться в подробности.

Он слышал, что кто-то вошел через кухонную дверь, но не придавал этому значения. Может, виновата была эта вонь, а может, он подумал, что пришли техники.

Спустя несколько минут он краем глаза заметил человека в красной клетчатой рубашке. Вошедший ворвался в комнату. Карл подумал, что надо выхватить пистолет, но рефлекс не сработал. Зато он ощутил ударные волны от выстрелов: первый поразил Харди в спину, и тот упал, опрокинув Карла и накрыв собой. Под тяжестью простреленного тела товарища у Карла хрустнул позвоночник и было сломано колено.

Затем грянули новые выстрелы: пули попали Анкеру в грудь и скользнули по виску Карла. Он с полной ясностью помнил, как лихорадочно дышал лежавший на нем Харди, чья кровь пропитала его костюм и смешалась на полу с его собственной кровью. И, глядя надвигающиеся перед его глазами ноги убийц, он все время думал, что надо достать пистолет.

Позади него на полу лежал Анкер и силился перевернуться. В маленькой комнатухе по другую сторону прихожей переговаривались убийцы. Через несколько секунд они вернулись в комнату. Карл слышал, как Анкер приказал им остановиться. Потом он узнал, что тот сумел выхватить пистолет.

В ответ раздался еще один выстрел, и пол содрогнулся. Пуля попала Анкеру прямо в сердце.

Все кончилось очень быстро. Преступники выбежали через дверь черного хода, а Карл остался лежать неподвижно. И когда прибыл главный врач района, Карл не подавал признаков жизни. Впоследствии врач и начальник отдела убийств говорили, что в первый миг приняли его за мертвого.

Карл долго оставался в полубоморочном состоянии, в голове проносились отчаянные мысли. Медики проверили его пульс и уехали, забрав всех троих. Только в больнице он открыл глаза. Говорили, что у него был мертвый взгляд.

Все подумали, что это от шока, на самом же деле от стыда.

– С вами все в порядке? – спросил чей-то голос.

Карл оторвался от стенки и увидел рядом мужчину лет тридцати пяти в медицинском халате.

– Я только что побывал у Харди Хеннингсена.

– Харди. Да. Вы его родственник?

– Нет, коллега. Я был начальником Харди по следственной бригаде отдела убийств.

– А, понятно!

– Каков его прогноз? Харди встанет на ноги?

Лицо молодого врача приняло отстраненное выражение. Ответ был ясен: Карла не касается, как идут дела пациента.

– К сожалению, я не могу обсуждать положение больного ни с кем, кроме родственников. Вы должны понять.

Карл схватил врача за локоть:

– Я был с ним, когда это случилось. Вы это понимаете? Меня тоже ранили. Один из наших коллег погиб. Мы пережили это вместе, поэтому я хочу знать, встанет ли он на ноги. Вы можете мне это сказать?

– Извините. – Доктор вырвался и оттолкнул руку Карла. – Наверное, вы сумеете служебным путем получить сведения о состоянии Харди Хеннингсена, но я не имею права ничего рассказывать. Будем каждый делать свою работу.

Несмотря на молодость, он успел набраться солидных докторских манер: авторитетность в голосе, приподнятые брови. Ничего удивительного, но Карл тут же вспыхнул и с трудом сдержал желание врезать парню по башке. Вместо этого он схватил его за ворот и рывком притянул почти вплотную к себе.

– Выполнять свою работу! – прошипел он. – Чем надувать щеки, давай-ка лучше убери с лица эту самодовольную мещанскую мину, дружок! Ты меня понял?

Он так стиснул ворот доктора, что тот заметно занервничал.

– Если в двадцать два часа твоя дочь еще не вернется домой как положено, то бежать и разыскивать ее отправимся мы, и когда твою жену изнасилуют или твой поганый бежевый «БМВ» пропадет со стоянки, опять прибежим мы. Все это – наша работа, и тебя утешать тоже нам. Ты слышишь меня, жучок зачуханный? Еще раз спрашиваю: встанет Харди на ноги?

Когда Карл наконец отпустил его ворот, доктор еще некоторое время пыхтел, пытаясь отдышаться.

– Я езжу на «мерседесе» и не женат, – пробурчал он потом.

До человека в белом халате дошло, в каком состоянии находится собеседник. Должно быть, в памяти всплыло что-то из курса психологии, затесавшегося между лекциями по анатомии. Наверняка его учили, что иногда юмор помогает разрядить ситуацию. Однако в случае с Карлом это не помогло.

– Поди к министру здравоохранения, ублюдок, там увидишь, как выглядит настоящее высокомерие, – бросил Карл, отталкивая доктора. – Тебе еще многому предстоит научиться.

На работе его уже поджидали сам начальник отдела убийств и Ларс Бьёрн. Это был тревожный сигнал, говоривший о том, что вопли обиженного доктора уже долетели до них, несмотря на толстые больничные стены. Карл бросил на старших коллег изучающий взгляд. Нет, пожалуй, больше похоже на то, что в их бюрократические мозги кто-то заронил очередную дурацкую идею. От него не ускользнул взгляд, которым они обменялись. Может, тут попахивает дружеской помощью товарищу, попавшему в трудную ситуацию? Уж не собираются ли они снова запихать его в больницу для бесед с психологом на тему правильного понимания и лечения посттравматического синдрома? Неужели его ожидает еще один специалист с проницательным взглядом, который полезет в потаенные мысли Карла, начнет копать в сказанном и недосказанном? Зря стараются! Карл не собирался идти у них на поводу. Его проблема не из тех, которые решаются разговорами. Она давно уже назревала, и теперь чаша переполнилась.

А пошли они все подальше!

– Да, Карл, – произнес начальник отдела убийств, кивком указывая на пустующий стул. – Мы с Ларсом долго размышляли над твоей ситуацией, и, как нам кажется, мы с тобой во всех смыслах стоим на перепутье.

Это уже походило на увольнение! Карл забарабанил пальцами по столу и возвел глаза к потолку, стараясь не встречаться взглядом с начальником. Значит, решил уволить? Так просто не выйдет!

За окном над парком Тиволи клубились тучи, грозившие разразиться дождем. Если они уволят его, он сразу уйдет, не дожидаясь, когда сверху польет. Бегать к уполномоченному по правам с этим не стоит. Он отправится прямо в профсоюз на бульваре Ханса Кристиана Андерсена. Увольнять хорошего работника через неделю после выхода с больничного, через два месяца после ранения, при котором он потерял двух товарищей из своей бригады, – этот номер у них не пройдет! Старейший в стране Союз полицейских покажет, что не зря существует столько лет.

– Я понимаю, Карл, для тебя это неожиданность. Тебе требуется перемена обстановки, и все будет устроено так, чтобы наилучшим образом использовать твой выдающийся талант сыщика. Мы решили повысить тебя в должности, сделав начальником нового отдела. Он будет называться отдел «Q». На него возлагается задача расследовать зависшие дела, представляющие особый общественный интерес. Которые требуют, так сказать, приоритетного внимания.

– Вот тебе на! – подумал вслух Карл и откинулся на спинку стула.

– Да, тебе придется тянуть этот отдел в одиночку, но кто, кроме тебя, с этим справится?

– Кто угодно! – отозвался Карл, глядя в стенку.

– Постарайся выслушать! У тебя был тяжелый период, и эта работа просто создана для тебя, – вмешался заместитель.

«Ты-то что в этом смыслишь, несчастный!» – подумал Карл.

– Ты будешь действовать полностью самостоятельно. Мы посоветуемся с начальниками округов и отберем некоторое количество дел, и ты сам будешь решать, каким из них нужно отдать предпочтение, в каком порядке ими заниматься и как планировать работу. Мы откроем тебе счет на затраты по разъездам, и отчет ты будешь подавать только раз в месяц, – добавил шеф.

– Начальники округов, говоришь? – Карл нахмурился.

– Да, это охватывает всю страну. Поэтому ты не можешь оставаться среди прежних коллег. Мы создали здесь же, в управлении, новое отделение. Уже идет подготовка твоего рабочего помещения.

«Ловко они придумали, как избежать неприятных объяснений», – отметил Карл.

– Вот как! И где же, позвольте спросить, находится это рабочее помещение? – поинтересовался он вслух.

На улыбающемся лице шефа появилось смущенное выражение.

– Где твой кабинет? Ну, в настоящий момент он располагается в подвале, но в дальнейшем, надеюсь, положение улучшится. Нужно сперва посмотреть, как пойдет дело. Если появится мало-мальски приличный процент раскрываемости, тогда будет видно.

Карл снова устремил взгляд на облака. Значит, в подвале. То есть план состоит в том, чтобы расправиться с ним втихаря. Уморить его одиночеством, изолировать, как на необитаемом острове, чтобы он там впал в тоску и свихнулся. И какая разница, наверху или в подвале! Все равно он всегда будет делать все по-своему. Вот только сейчас он не мог поделаться ровным счетом ничего.

– Кстати, как там Харди? – спросил шеф после затянувшейся паузы.

Карл перевел взгляд на начальника. За все это время тот впервые обратился к нему с вопросом.

5

2002 год

По вечерам Мерета принадлежала себе. Возвращаясь домой, она на каждом светофоре словно бы сбрасывала часть всего того, что не подходило к ее истинной жизни, протекавшей за тисами Маглебю. Очутившись за поворотом, за которым открывались дремлющие просторы Стивенса⁷, и переехав мост через речку Трюгтевельде, она ощутила себя другим человеком.

Уффе, как обычно, сидел на диване с остывшей чашкой чая на столике, озаренный светом телевизионного экрана; звук был включен на полную мощность. Поставив машину в гараж, Мерета направилась к задней двери и, проходя мимо окна, ясно увидела, как он там сидит – все тот же Уффе, тихий и неподвижный.

Скинув туфли на высоком каблуке, она оставила их в подсобном помещении, забросила портфель на высокую печь нефтяного отопления, повесила в прихожей пальто и отнесла бумаги в кабинет. Затем сняла брючный костюм от «Филиппы К.»⁸, сложила его на стул возле стиральной машины, сняла с вешалки халат и сунула ноги в домашние тапочки. Теперь все было как надо. Ей не требовалось, как некоторым, едва переступив порог, смывать с себя остатки рабочего дня под душем.

Порывшись в пластиковом пакете, Мерета достала с самого дна пачку конфет. Сунув одну в рот и повысив таким образом уровень сахара в крови, она ощутила готовность зайти в гостиную.

И только тогда крикнула:

– Привет, Уффе! Вот я и дома.

Всегда один и тот же ритуал. Она знала, что Уффе увидел свет фар, как только она выехала из-за холма, однако все должно идти своим чередом.

Она села напротив него и попыталась поймать его взгляд:

– Ау, приятель! Ну что? Строишь новости и любишь на Трину Сик?

Он сощурился так, что морщинки в уголках глаз разбежались до висков, но не оторвался от телевизора.

– Ишь ты, заядлый болельщик! – Она взяла его за руку, как всегда теплую и вялую. – Но Лота Мейлиде тебе нравится больше. Думаешь, я не знаю?

На его лице стала медленно расплываться улыбка. Контакт был установлен. Да, где-то там, в глубине, жил прежний Уффе. И прекрасно знал, чего ему хочется в жизни больше всего.

Мерета повернулась к телевизору, и они вместе посмотрели последние два сюжета новостей. В первом речь шла о требовании Совета по питанию о введении запрета на промышленное производство трансжирных кислот, во втором – о провальной маркетинговой кампании, которую при поддержке государства проводила компания по производству мяса птицы. Обе темы были Мерете досконально известны: работа над ними стоила ей двух бессонных ночей.

Обернувшись к Уффе, она потрепала его за вихор; под волосами был замечен длинный шрам.

– Пошли, лентяй! Пора чего-нибудь поесть.

Ухватив свободной рукой одну из диванных подушек, она хлопнула его по затылку и не отстала, пока он не завизжал от хохота, отбиваясь руками и ногами. Тогда она отпустила его волосы, перепрыгнула через диван, будто горная коза, и помчалась на лестницу. Это был беспроектный прием. С громкими возгласами Уффе, заливаясь хохотом от радости, кинулся за ней, наконец-то дав выход накопленной за время сидения энергии. Как два железнодорожных

⁷ Стивенс – мыс и коммуна в регионе Зеландия.

⁸ Имеется в виду шведская фирма готовой одежды, основанная Филиппой Кнутссон в 1993 году.

вагона, скрепленных стальным сцеплением, они с грохотом взлетели по ступенькам на второй этаж и ворвались в кухню. Скоро они устроятся перед телевизором и съедят то, что наготовила для них приходящая домработница. Вчера они смотрели мистера Бина, позавчера Чаплина. Сегодня снова на очереди мистер Бин. Коллекция видеодисков Мереты и Уффе в основном состояла из того, что любил смотреть Уффе. Обыкновенно, посидев перед телевизором полчаса, он засыпал. Когда это произойдет, она накроет его пледом и оставит спать на диване. Ночью он потом сам встанет и переберется в спальню. Там он возьмет ее за руку и, что-то пробормотав спросонья, устроится рядом с ней на двуспальной кровати. Когда он окончательно заснет, она под его посапывание включит свет и начнет готовиться к предстоящему дню.

Так повелось. И этот вечер и ночь пройдут так же. Потому что так нравится ее братику – милому, невинному мальчику. Бедному, бессловесному Уффе.

6

2007 год

На двери действительно обнаружилась медная табличка с надписью «Отдел „Q“», но сама дверь была снята с петель и прислонена к трубам центрального отопления, которые тянулись через длинные коридоры подвала. На полу закутка, по-видимому отведенного под кабинет Карла, еще стояли десять полупустых ведер с краской, распространяя резкий запах. Под потолком проходили трубки четырех люминесцентных ламп, через некоторое время вызывающих зверскую головную боль. Зато стены были превосходные – если только отвлечься от цвета, в который они были покрашены. Более всего он подошел бы стенам больницы в какой-нибудь восточноевропейской стране.

– Браво, Маркус Якобсен, – буркнул Карл и принялся осматривать свои владения.

Последние сто метров длинного коридора были ему незнакомы – туда он еще никогда не заглядывал. В том конце коридора, где располагался его кабинет, не было ни души – а также дневного света, или воздуха, или чего-либо еще, способного отвлечь от воспоминаний об «Архипелаге ГУЛАГ». И вообще эту кишку так и хотелось назвать гнилым отстойником.

Карл взглянул на два новеньких компьютера с ворохом проводов. Судя по всему, тут были две отдельные информационные сети: один компьютер подсоединен к внутренней сети, а другой – к остальному миру. Карл ласково похлопал по компьютеру номер два. Итак, сидя здесь, он может путешествовать по Интернету сколько вздумается. Никаких тебе стеснительных правил, обеспечивающих безопасность центральных серверов. Это уже кое-что! Он огляделся в поисках чего-нибудь такого, что можно использовать как пепельницу, и вытряхнул сигарету из пачки «Грэн Сесиль». На пачке было написано: «Курение крайне опасно для вас и вашего окружения». Он снова огляделся: окружения особого не наблюдалось, а если пара мокриц околует, не беда. Карл зажег сигарету и глубоко затянулся. Пожалуй, у должности начальника отдела есть свои преимущества!

– Дела мы тебе пришлем, – пообещал на прощание Маркус Якобсен, однако на столе и на полках не было ничего – ни одного листочка.

Вероятно, наверху сочли, что ему нужно время освоиться на новом месте, прежде чем погрузиться в бумаги. Но Карла это нисколько не волновало: ничего он не будет тут обустраивать, пока на него не снизойдет вдохновение.

Он пододвинул конторское кресло и уселся, положив вытянутые ноги на край стола. В такой позе он провел почти все время на больничном. Первые недели только смотрел перед собой, смолит сигареты и старался не вспоминать, как лежал, придавленный тяжестью большого тела Харди, а в ушах у него стояли предсмертные хрипы Анкера. Потом он принялся странствовать по Интернету – без всякой цели и плана, просто чтобы заглушить все мысли. Тем же он собирался заняться и теперь.

Карл взглянул на часы. Прежде чем идти домой, предстояло убить пять часов.

Жил Карл в Аллерёде – так хотела жена. Они переехали туда за несколько лет до того, как она от него ушла и поселилась в садовом домике в Ислеве. А тогда она посмотрела карту Зеландии и быстро вычислила: если хочешь чего-то особенного, нужно иметь толстый кошелек, а так лучше уж Аллерёд. Хорошенький городок, есть электричка, вокруг поля, до леса можно дойти пешком, множество уютных магазинчиков, кинотеатр, театр, разные кружки, а ко всему прочему еще и парк Рённехольт. Жена была в восторге. Тут можно за доступную цену купить жилье в панельном таунхаусе, в котором хватит места для них с мужем и для ее сына, а в придачу получить право пользоваться теннисными кортами, бассейном и общественным центром, проводя жизнь в окружении хлебных полей, торфяников и множества добрых соседей. Потому что она прочла, будто в парке Рённехольт люди внимательны друг к другу. В то

время Карлу это не казалось преимуществом: кто же поверит в такую чушь! Но впоследствии оказалось, что это действительно так. Без друзей из парка Рённехолт Карлу вообще пришел бы каюк в материальном и моральном смысле. Сперва от него ушла жена, но разводиться не захотела, а осталась жить в садовом домике. Потом она обзавелась любовником гораздо моложе себя и заодно дурной привычкой рассказывать о нем Карлу по телефону. Потом ее сын в самый разгар пубертатного возраста отказался жить с ней и вернулся к Карлу. И в довершение всего произошла перестрелка на Амагере, которая отняла у него последнее, за что он еще как-то держался: смысл жизни и хороших товарищей, которые с пониманием относились к нему, когда видели, что он встал не с той ноги. Нет, если бы не парк Рённехолт и не люди, которые его там окружали, дело было бы совсем дрянью.

Вернувшись к себе и поставив велосипед в сарай возле кухни, Карл сразу понял, что двое других жильцов тоже дома. Мортен Холланн, снимавший у него комнату в подвале, по обыкновению на полную мощность включил оперу, а у пасынка на втором этаже из окна вырывался оглушительный грохот скачанного из Интернета тяжелого рока. Более уродливого звукового коллажа невозможно было бы отыскать в целом свете.

Вступив в этот ад, Карл раз-другой топнул, и звуки «Риголетто» в подвале тотчас же поутихли, словно приглушенные подушкой. Труднее было с мальчиком наверху. В три широких шага Карл поднялся по лестнице, без стука заглянул в дверь, не тратя зря времени на церемонии, и заорал что есть мочи:

– Сколько можно, Йеспер, это же черт знает что! Звуковыми волнами высадило два окна на Сосновой Поляне. Платить за них будешь сам!

Такое мальчишка уже слышал от Карла не раз, поэтому согнутая над клавиатурой спина даже не шелохнулась.

– Эй! – крикнул Карл ему в самое ухо. – Уменьши звук, или я перережу провод от модема! Громкость чуть-чуть убавилась.

Внизу Мортен уже расставил на кухонном столе тарелки. Один из соседей по таунхаусу назвал его как-то суррогатной домохозяйкой, но это было неправильно. Мортен был не суррогатной, а самой лучшей из всех домохозяек, каких когда-либо доводилось встречать Карлу. Он делал все: ходил в магазин, стирал белье, готовил еду и убирал в доме, распевая при этом оперные арии. А еще платил за квартиру.

– Мортен, ты был сегодня в университете? – спросил Карл, заранее зная ответ.

Жильцу уже стукнуло тридцать три года, и последние тринадцать лет он прилежно занимался, изучая все, что угодно, кроме тех предметов, которые имели отношение к его трем специальным курсам. Результатом были поразительные познания во всех областях, кроме той, на изучение которой он получал государственное пособие и которая, как предполагалось, должна была впоследствии стать его профессией.

Мортен повернулся, отгородившись от Карла мощной жирной спиной, и злобным взглядом уставился в булькающую на огне кастрюлю.

– Я решил перейти на государственное образование.

Об этом он уже говорил, так что переход был вопросом времени.

– Черт возьми! Не лучше ли все-таки закончить сначала политологию?

– На политологии большинство голосует за правительственные партии, это не по мне. – Мортен бросил в кастрюлю щепотку соли и принялся мешать.

– Да ты-то откуда об этом знаешь? Ты же туда и не ходишь!

– Вчера я там был. Рассказал своей группе анекдот про Карину Йенсен.

– Подумаешь: политик начал на крайнем левом фланге и в конце концов перешел к либералам. Что тут такого уж страшного?

– Я сказал, что она служит примером того, как за высоколобой внешностью может скрываться совершенно низколобая личность. Они не смеялись.

Странностей у Мортена хватало. Это был вечный студент-переросток, почти бесполое существо с повадками старой девы. Его общественная деятельность ограничивалась замечаниями в адрес других посетителей магазинов по поводу их покупок или коротким обменом мнениями у прилавка с морожеными овощами насчет того, как лучше готовить шпинат – со сливками или без.

– Ну и что, что они не смеялись! Мало ли какая могла быть причина. Я ведь тоже не смеюсь, а я, если хочешь знать, не голосую за правительственные партии.

Карл покачал головой. Спорить с Мортеном было бесполезно. Но пока он прилично зарабатывает в пункте проката видеофильмов, не так уж и важно, учится он в университете или нет.

– Так ты говоришь – государствоведение? Муторная штука, наверное.

Мортен пожал плечами и кинул в кастрюлю несколько очищенных морковок. Он даже умолк ненадолго, что было для него очень необычно. Поэтому Карл сразу понял, в чем дело.

– Звонила Вигга, – выговорил наконец Мортен немного встревоженным голосом и тотчас же отодвинулся подальше.

В подобных случаях он обыкновенно добавлял: «Don't shoot me. I'm only the piano player»⁹. Но сейчас этих слов не последовало.

Карл воздержался от комментариев. Если Вигге что-то от него нужно, могла бы позвонить попозже, когда он придет с работы.

– Кажется, она замерзла, в садовом домике холодно, – осмелился предположить Мортен, помешивая в кастрюльке.

Карл обернулся. Из кастрюльки поднимался чертовски вкусный запах. Он давно уже не чувствовал такого хорошего аппетита.

– Замерзла, говоришь? Взяла бы да запихала в печку парочку своих откормленных любовников.

– О чем это вы? – послышалось с порога.

Йеспер открыл свою дверь, и от какофонии, что вырвалась из комнаты за его спиной, задрожали перегородки в коридоре.

Удивительно, что они вообще могли расслышать друг друга.

После трех дней, проведенных за лазанием по Интернету и глазением в пустую стену, Карл успел до миллиметра изучить расстояние до своего отстойника, зато давно уже не чувствовал себя таким выпавшимся, как сейчас. Поэтому, поднимаясь в отдел убийств, он бодро одолел четыреста пятьдесят две ступени между подвалом и хоромами третьего этажа, где располагались его прежние сослуживцы. Он собирался потребовать, чтобы в подвале наконец завершили ремонтные работы и навесили дверь кабинета, чтобы при желании ею можно было хлопнуть. А кроме того, он хотел осторожно напомнить коллегам о том, что ему до сих пор еще не передали папки с делами. Это, правда, не горит, однако он не хотел бы потерять работу, даже не успев к ней приступить.

Как он и ожидал, коллеги встретили его любопытными взглядами. Интересно же, стоит ли он на грани нервного срыва? Приобрел ли от пребывания в вечном мраке землистый цвет лица? Он готовился встретить вопросительные или злорадные взгляды, но для него все же стало неожиданностью, когда при его появлении по коридорам поднялось слаженное хлопанье всех дверей.

– Что это тут происходит? – спросил он у парня, которого раньше никогда здесь не встречал. Тот распаковывал привезенную мебель.

Парень протянул ему руку:

– Петер Вестервиг из участка Центрального района. Я буду работать в команде Вигго.

⁹ «Не стреляй в меня! Я всего лишь пианист» (англ.).

– В команде Вигго? Вигго Бринка? – удивился Карл. – Вигго – начальник оперативной группы? Значит, его назначили только вчера.

– Да. А кто ты? – Парень сам взял и пожал руку Карла.

Ответив коротким пожатием, Карл, ничего не сказав, стал осматриваться вокруг и обнаружил еще два незнакомых лица.

– Тоже из команды Вигго?

– Только тот, у окна.

– Я смотрю, тут новая мебель.

– Да, только что занесли. Ты, наверное, Карл Мёрк?

– Был когда-то, – бросил Карл и шагнул к кабинету Маркуса Якобсена.

Дверь была открыта, но и закрытая не помешала бы ему войти без спроса.

– Никак у вас в отделе прибавилось народа? – спросил он без предисловий, прервав совещание.

Обменявшись выразительным взглядом со своим заместителем и девушкой-секретаршей: дескать, что с него возьмешь? – начальник отдела убийств обратился к вошедшему:

– Хорошо. Карл Мёрк явился из подземного царства. Продолжим через полчаса, – сказал он присутствующим и собрал в стопку разложенные на столе бумаги.

Карл проводил мрачной улыбкой удаляющегося заместителя, который отплатил ему тем же. Вице-инспектор криминальной службы Ларс Бьёрн, со своей стороны, всегда поддерживал должную температуру в их прохладных отношениях.

– Ну, Карл, как у тебя там внизу? Успел уже разобраться с очередностью дел?

– Можно сказать, что да. По крайней мере, с теми из них, которые до меня дошли. А что тут у вас делается? – спросил Карл, ткнув пальцем себе за спину.

– Да уж, тут действительно есть о чем рассказать! – Подняв брови, Маркус поправил «пизанскую башню» – так подчиненные прозвали громоздившуюся у него на столе стопку из только что поступивших папок. – При таком количестве дел потребовалось образовать еще две новые следовательские группы.

– Взамен моей? – криво усмехнулся Карл.

– Да. Прибавив к ней еще две.

Карл хмуро сдвинул брови:

– Три группы. И откуда же, черт возьми, взялось на них финансирование?

– Из дополнительных ассигнований в результате перерасчета, произведенного в связи с реформированием. Ты же понимаешь!

– Понимаю ли я? Откуда мне, черт возьми!

– Ты пришел с каким-то определенным вопросом?

– Да. Но, пожалуй, это может и подождать. Сначала мне надо кое-что узнать. Зайду попозже.

Все знали, что многие представители партии консерваторов связаны с деловыми кругами: они выступали дружным фронтом и действовали так, как было угодно организациям промышленников. Но эта партия, имея самую отлаженную систему поддержки, бог весть по каким причинам всегда привлекала в свои ряды деятелей из состава армии и полиции. Сейчас, насколько было известно Карлу, в числе депутатов фолькетинга имелось по крайней мере двое таких. Один был ловкач, для которого служба в полиции являлась лишь способом проскочить впоследствии туда, куда ему надо, зато другой – порядочный старый вице-комиссар криминальной полиции, знакомый Карла по службе в городе Раннерсе. По своим убеждениям он не относился к рьяным консерваторам, а просто был родом из того округа, от которого его выбрали, к тому же работа в Кристиансборге неплохо оплачивалась. Поэтому Курт Хансен из Раннерса согласился баллотироваться в фолькетинг от Консервативной партии и в качестве члена комитета по вопросам права стал для Карла лучшим источником информации из области политики. Курт

говорил не все, что знал, но легко заводился, когда попадалось какое-то интересное дело. Карл и не догадывался, сколько любопытного узнает из разговора с ним.

– Господин вице-комиссар Хансен, я полагаю? – сказал он, услышав знакомый голос в телефонной трубке.

В ответ прозвучал добродушный басовитый смех:

– Что поделаешь, Карл! С тех пор много воды утекло. Страшно рад слышать твой голос. Говорят, тебя ранили.

– Пустяки, Курт. Ничего страшного. Я жив и здоров.

– Двоим твоим товарищам потяжелее пришлось. Это дело как-то продвинулось?

– Продвигается помаленьку.

– Искренне рад. Мы тут как раз работаем над проектом закона, который на тридцать процентов повысит наказание за преступление против полицейского, находящегося при исполнении служебных обязанностей. Думаю, это поможет. Надо же поддержать вас, стоящих на баррикадах!

– Хорошее дело, Курт. Слышал, что вы, кроме того, поддержали копенгагенский отдел убийств, выделив ему дополнительные ассигнования.

– Нет, такого, по-моему, не было.

– Ну, если не отдел убийств, значит какой-то другой отдел полицейской префектуры. Или это что-то секретное?

– Какая тут может быть секретность, если речь идет об ассигнованиях? – Курт засмеялся тем благодушным смехом, каким смеются люди, обеспеченные солидной пенсией.

– Так кому же вы там выделили ассигнования, можно узнать? Они были направлены в государственную полицию?

– Да. Вообще-то, этот отдел подведомствен Национальному центру расследований, но во избежание того, чтобы одни и те же дела дважды расследовались одними и теми же людьми, было решено организовать специальный отдел, административно приписанный к отделу по расследованию убийств. Он будет заниматься делами, заслуживающими особого внимания. Да ты и сам это, наверное, знаешь.

– Ты имеешь в виду отдел «Q»?

– Значит, вот как оно у вас называется? Отлично придумано!

– Какая сумма на него ассигнована?

– За точность не могу поручиться, но что-то от шести до восьми миллионов в год на ближайшие десять лет.

Карл обвел взглядом светло-зеленые стены подвала. Ладно! Теперь понятно, почему Маркус Якобсен и Ларс Бьёрн так настойчиво стремились депортировать его на эту ничейную землю. От шести до восьми миллионов в год! И вся эта благодать застряла в загнивших убойного отдела.

Черт побери! Пускай не надеются, что это им сойдет с рук!

Начальник отдела еще раз посмотрел на Карла, потом снял бифокальные очки. С таким же точно выражением он обычно разглядывал место происшествия со смазанными следами.

– Говоришь, хочешь собственную служебную машину? Неужели я должен напоминать тебе, что в полиции Копенгагена никому не положено личного автомобиля? Обращайся в служебный гараж, и тебе, когда потребуется, будут выделять машину. Как и всем, Карл, так полагается по правилам.

– Я работаю не в копенгагенской полиции. К вам я только приписан административно.

– Карл, ты ведь понимаешь, что, если поставить тебя в особое положение, это вызовет у остальных большое недовольство. Да еще предоставь в твое распоряжение шесть человек! Ты что, совсем спятил?

– Я всего лишь хочу организовать отдел «Q» так, чтобы он мог выполнять поставленные задачи. Разве не для этого я назначен? Вы же понимаете, что для деятельности, охватывающей всю территорию Дании, требуются соответствующие силы. Так, значит, вы не желаете выделить мне шесть человек?

– Нет, черт возьми!

– Четырех? Трех?

Начальник отдела энергично замотал головой.

– Выходит, я один должен выполнять всю работу?

Начальник кивнул.

– В таком случае вам должно быть ясно, что я не могу обойтись без постоянного доступа к служебной машине. Вдруг мне понадобится ехать в Ольборг или Нэствед? И работы у меня невпроворот. Я даже еще не знаю, сколько дел ляжет ко мне на стол. – Усевшись напротив шефа, Карл налил кофе в чашку, оставленную заместителем. – Но как бы там ни было, мне в любом случае требуется помощник. Такой, чтобы имел водительские права и выполнял разные поручения – послать факс и всякое такое. Убирать помещение. Я слишком занят, Маркус. Мы же хотим работать результативно. Фолькетинг ведь желает, чтобы от его денежек была отдача, да? Кажется, там было что-то вроде восьми миллионов? Действительно, немалые деньги!

7

2002 год

Перечень всех обязанностей заместителя вице-председателя парламентской фракции демократов не мог бы вместить ни один еженедельник. С семи утра и до пяти вечера Мерете предстояли четырнадцать встреч с делегациями от различных групп. В качестве докладчика по вопросам здравоохранения она должна была провести собеседование с участием сорока человек; никого из них она не знала в лицо, но большинство будут ожидать, что она знает, кто они такие, чем занимаются, какие надежды возлагают на будущее и в каких областях науки работают. Если бы это совещание готовила Марианна, у Мереты была бы надежда как-то справиться с этой задачей, но ее новый секретарь Сёс Норуп оказалась не так расторопна. Зато она вела себя тактично и за месяц работы не позволила себе ни одного вопроса личного характера. Она была живым роботом, хотя и не обладала идеальной памятью.

Организация, которая сейчас расположилась в зале заседаний, делала так называемый общий обход, встречаясь со всеми партиями фолькетинга. До встречи с Меретой она уже побеседовала с правительственными партиями; сейчас настал черед крупнейших оппозиционных партий, а следовательно, и Мереты Люнггор. Группа находилась в довольно нервном состоянии, и в этом не было ничего удивительного, так как очень многих в правительстве беспокоил скандал в Фаруме и обвинения, выдвинутые его бургомистром против ряда министров.

Делегация из всех сил старалась посвятить Мерету в проблему возможного негативного влияния наночастиц на здоровье населения, растолковать ей все про магнитное управление переносом частиц в организме, работу иммунной системы, рассказать о молекулярных маркерах и исследованиях плаценты. Последнее было главной темой обсуждения.

– Мы полностью отдаем себе отчет в том, какие в связи с этим возникают этические проблемы, – заявил возглавлявший группу докладчик. – Поэтому мы также знаем, что некоторые правительственные партии представляют интересы таких групп населения, которые будут не согласны с широкомасштабным сбором плаценты, но этот вопрос все равно придется вынести на обсуждение.

Оратор был элегантным мужчиной сорока с лишним лет. Он уже давно сделал на этом поприще миллионы и являлся основателем пресловутого центра медицинских разработок «БейзикГен», который главным образом занимался проведением фундаментальных исследований для других, более крупных предприятий медицинской промышленности. Всякий раз, придумав что-то новенькое, он заявлялся с этой идеей к докладчикам фолькетинга по здравоохранению. Остальные члены группы были Мерете незнакомы, но она обратила внимание на молодого человека, который пристально смотрел на нее из-за спины оратора. К словам выступавшего он добавил лишь несколько фактов. Возможно, он присутствовал здесь в качестве наблюдателя.

– Да, это Даниэль Хейл, лучший сотрудник нашей лаборатории. Звучит на английский лад, но на самом деле Даниэль коренной датчанин, – представил его руководитель группы после своего выступления, когда Мерета знакомилась с каждым в отдельности.

Пожимая ему руку, Мерета мельком удивилась, как горяча его ладонь.

– Даниэль Хейл? Я не ошиблась? – спросила она.

Он улыбнулся. На секунду она отвела глаза. Как неудобно!

Мерета посмотрела на своего секретаря – это лицо было самым привычным и успокаивающим, на чем тут можно было остановить взгляд. Если бы на месте Сёс находилась Марианна, она бы понимающе улыбнулась ей из-за пачки документов, которые всегда держала в руке. Сёс не улыбалась.

– Вы работаете в лаборатории? – спросила Мерета.

Но руководитель группы не дал им поговорить, не желая терять ни одной из предоставленных ему драгоценных минут. Уже сейчас за дверью дожидалась следующая организация. Когда еще выпадет такой шанс, невозможно было сказать заранее. На кону стояли деньги и время, которое тоже дорого.

– Даниэль – хозяин лучшей маленькой лаборатории во всей Скандинавии. Впрочем, с тех пор как ты обзавелся новыми зданиями, она уже и не маленькая, – сказал он, повернувшись к молодому человеку, который с улыбкой покачал головой. Улыбка у него была на загляденье. – Мы просим позволения оставить здесь этот доклад, – продолжал руководитель. – Может быть, госпожа докладчик по вопросам здравоохранения, выбрав время, захочет с ним внимательно ознакомиться. Для наших потомков чрезвычайно важно, чтобы мы уже сейчас отнеслись к этой проблеме со всем вниманием.

В перерыве спустившись в Снапстинг¹⁰, Мерета не ожидала столкнуться с Даниэлем. Как ей показалось, он ее там поджидал. Все остальные дни недели она перекусывала у себя в кабинете, но в последний год у нее стало привычкой ходить по пятницам сюда, чтобы поесть в компании двух других членов комиссии по здравоохранению от партии социалистов и радикалов-центристов. Все три были решительные женщины, способные до белого каления представителей Датской партии. Уже то, что они открыто собирались в один кружок, для многих было бельмом в глазу.

Даниэль в одиночестве сидел с чашечкой кофе на краешке стула, пристроившись позади колонны. Войдя в стеклянную дверь, Мерета сразу встретила с ним взглядом и все время, пока была в столовой, уже ни о чем другом не могла думать.

Когда женщины поднялись из-за стола, он подошел к ней.

Она заметила, как вокруг зашумели, но чувствовала себя словно загипнотизированной.

¹⁰ *Снапстинг* – шутивное название столовой фолькетинга («снапс» значит «водка»).

8

2007 год

Наконец-то Карл остался более или менее доволен. Все утро рабочие возились у него в подвале. Сам он переждал в коридоре, время от времени заваривая кофе на сервировочном столике и успев выкурить изрядное количество сигарет.

И вот пол в так называемом кабинете начальника отдела «Q» украсился ковровым покрытием, ведерки с краской и прочее уложили в гигантские пластиковые мешки, дверь была возвращена на свое место в проеме, установлены телевизор с плоским экраном, электронная доска и простая доска для объявлений, полки заполнены его старыми юридическими справочниками, на которые кто-то, вероятно, мысленно уже наложил лапу. В кармане брюк звенели ключи от синего «Пежо-607», только что сданного разведывательным отделением полиции: оно не могло допустить, чтобы его работники разъезжали в составе королевского кортежа на машине с поцарапанным покрытием. Машина прошла только сорок пять тысяч километров и была передана в исключительное пользование отдела «Q». Подумать только, как шикарно такая красавица будет выглядеть на Магнолиеванген! Всего-то в двадцати метрах от окна его спальни.

Со дня на день ему должны были прислать помощника. Во всяком случае, обещали. Карл велел освободить для него каморку на другой стороне коридора. Это помещение раньше служило для хранения списанных шлемов и щитов дежурного отряда, пришедших в негодность после беспорядков вокруг Молодежного дома, теперь же его оборудовали люминесцентными лампами и снабдили столом, стульями, шкафом для хранения ведер и швабр, которые Карл повыбрасывал из своего кабинета. Маркус Якобсен поймал Карла на слове и нанял уборщика, который должен был также выполнять всевозможные поручения, но поставил условие, чтобы тот убирался и в остальной части подвала. Карл решил избавиться от подчиненного при первом удобном случае, и Маркус Якобсен наверняка об этом догадывался. Это была такая игра: кто возьмет верх и сможет что-то у другого выторговать. Так или иначе, а пока что Карл сидит в темном подвале, в то время как другие – наверху, с видом на Тиволи. Ты мне, я тебе – глядишь, и устанавливается баланс.

В час дня наконец пришли две секретарши и принесли дела. Они сказали, что здесь представлены только выводы следствия и, если ему для полноты картины потребуются другие относящиеся сюда документы, он может их затребовать. Таким образом, у него хотя бы появились посредники, через которых можно было вести диалог со своим прежним местом службы. С одной из секретарш, которую звали Лиза, приветливой светловолосой девушкой с немного неровными зубками, он с удовольствием завел бы и не только деловые контакты.

Он попросил обеих сложить свою ношу по краям стола и поинтересовался у светловолосой:

– Лиза, скажи, мне только померещился мелькнувший в твоих глазах кокетливый блеск или ты всегда так потрясающе выглядишь?

Темноволосая кинула на товарку такой взгляд, от которого сам Эйнштейн почувствовал бы себя дураком. Ей, вероятно, давно уже не приходилось слышать в свой адрес таких замечаний.

– Карл, дорогой, – как всегда, ответила светловолосая Лиза. – Блеск моих глаз предназначен только для моего мужа и детей. Когда ты это наконец усвоишь?

– Когда погаснет свет и вечная тьма окутает меня и весь мир, – ответил Карл. И это была не гипербола.

Еще не успев свернуть за угол, за которым была лестница, темноволосая уже начала нашептывать что-то на ушко своей напарнице, видимо давая выход досаде.

Первые два-три часа Карл даже не удосужился заглянуть в папки, но все же собрался с силами и пересчитал их: тоже ведь работа. Папок оказалось не меньше сорока, но он не торопился их открывать.

«Спешить некуда. До пенсии еще двадцать лет», – сказал он себе мысленно и для начала разложил несколько пасьянсов «Паук»: когда сойдется, он и начнет просматривать первую стопку.

На двадцать каком-то пасьянсе зазвонил мобильник. Взглянув на дисплей, Карл увидел незнакомый номер: какой-то там на тридцать пять – сорок пять, копенгагенский.

– Слушаю, – сказал он, ожидая, что в ответ раздастся взволнованный голос Вигги. У той всегда находилась какая-нибудь добрая душа, которая давала свой телефон попользоваться. «Мама, да купи ты себе наконец мобильник! – возмущался Йеспер. – Это же просто с ума сойти можно: каждый раз просить соседей, чтобы тебя подозвали».

Но и голос, раздавшийся в трубке, оказался совершенно незнакомым.

– Здравствуйте! С вами говорит Бирта Мартинсен из клиники спинномозговых повреждений. Сегодня утром Харди Хеннингсен попытался втянуть себе в легкие стакан воды. С ним все в порядке, но он очень подавлен и спрашивал про вас. Не смогли бы вы сюда подъехать? Мне кажется, это бы ему помогло.

Им с Харди позволили остаться наедине, хотя женщина-психолог, очевидно, очень хотела послушать их разговор.

– Что, старина? Надоело все это? – сказал Карл и взял больного за руку.

Рука не была полностью неподвижна, Карл и раньше это замечал. Сейчас последние фаланги среднего и указательного пальца немного согнулись, словно Харди хотел притянуть его ближе к себе.

– Что ты хочешь? – сказал Карл, склонившись над лежащим.

– Карл, убей меня! – прошептал Харди.

Карл выпрямился и посмотрел ему в глаза. У долговязого Харди глаза были небесно-голубые; сейчас их наполняли страдание, сомнение и горячая мольба.

– К черту! – прошептал Карл. – Я этого не буду делать. Ты встанешь. Встанешь и будешь ходить. У тебя же есть сын. Ему надо, чтобы ты вернулся домой. Ты понимаешь?

– Ему двадцать лет, он справится без меня, – прошептал Харди.

Он был в полном сознании, с ясной головой, и свою просьбу высказал всерьез.

– Не могу. Терпи, ты поправишься.

– У меня паралич, и это не лечится. Сегодня вынесли приговор. Ни черта я не встану.

– Как я понимаю, Харди Хеннингсен просил вас помочь ему уйти из жизни, – сказала женщина-психолог, надеясь вызвать Карла на откровенность.

В ее уверенном взгляде читалось, что ей не требуется ответа. Она не сомневалась в своей правоте, поскольку с такими вещами сталкивалась не впервые.

– Нет, не просил!

– Вот как?

– Тут совсем другое.

– Не могли бы вы тогда поделиться со мной тем, что он сказал?

– Да я бы с удовольствием. – Карл поджал губы и устремил взгляд на Хавневей. Вроде бы никто не смотрит. Даже странно.

– То есть вы не хотите?

– Вы бы покраснели, услышав это. Я не могу произнести такое в присутствии дамы.

– А вы попробуйте!

– Нет уж, лучше не буду.

9

2002 год

Мерета много слышала про маленькое кафе на улице Нансена со странными чучелами зверей, но до сих пор ни разу там не бывала. В «Банкроте» висело жужжание приглушенных голосов; дружелюбный взгляд теплых глаз и ледяной бокал белого вина – все обещало приятный вечер. Но едва она успела рассказать, что собирается на следующие выходные с братом в Берлин, куда они ездят один раз в год, и что жить они будут в районе Зоологического сада, как позвонила домработница и сообщила: на Уффе что-то нашло.

На мгновение Мерета прикрыла глаза, чтобы справиться с разочарованием. Не так уж часто она позволяла себе принять приглашение на свидание. И тут, как назло, он все испортил!

Через час она уже была дома, невзирая на слякоть и скользкие дороги. Без нее брата трясло, и почти весь вечер он проплакал. Такое иногда случалось, если Мерета задерживалась. Уффе не разговаривал, поэтому нелегко было догадаться, в чем дело. Порой могло даже показаться, что в нем вообще отсутствует человеческое сознание. Однако это было не так, Уффе все прекрасно сознавал. Домработница явно растерялась и так расстроилась, что позвала на помощь.

Только когда Мерета отвела Уффе в спальню и надела на него любимую бейсбольную кепку, он перестал плакать. Но не успокоился до конца, взгляд его оставался тревожным. Она попробовала развлечь брата рассказом о кафе, полном посетителей, о необычных звериных чучелах. Рассказывая ему о своих мыслях и впечатлениях, она видела, как он успокаивается. Так она поступала, еще когда он был десятилетним. Его заставляло плакать нечто всплывавшее из подсознания; там не было разницы между прошлым и настоящим, он по-прежнему оставался обыкновенным мальчиком, как до несчастья. Нет, не обыкновенным. Он был тогда удивительным мальчиком, чья голова была набита фантастическими идеями, и так много обещал в будущем. Но потом случилась беда.

В следующие несколько дней на Мерету свалилось столько дел, что она совсем закрутилась. И хотя ее мысли порой были заняты совсем другим, работу за нее все равно никто не мог сделать. В шесть часов утра она отправлялась на службу, а после напряженного трудового дня кидалась скорее в машину, чтобы в шесть часов вечера быть уже дома. На то, чтобы все обдумать и разложить по полочкам, просто не оставалось времени.

Поэтому, когда в один прекрасный день она увидела вдруг на своем рабочем столе большой букет цветов, это отнюдь не помогло ей собраться и настроиться на рабочий лад.

У новой секретарши был раздраженный вид. Она перешла сюда из ДСЮЭ¹¹, и там, по видимому, гораздо строже относились к разграничению частной жизни и работы. Марианна на ее месте пришла бы в неописуемый восторг и носилась бы с этим букетом, будто с полным набором королевских регалий. От новой секретарши, как видно, и впрямь не дождешься сочувствия в том, что касается личных дел. Но может, оно и к лучшему.

Три дня спустя Мерете прислали телеграмму-валентинку. Валентинку она получала впервые в жизни, и это вызвало у нее чувство неловкости, тем более что четырнадцатое февраля миновало две недели назад. На открытке было изображение губ и надпись по-английски: «Люблю и целую Мерету». Секретарша вручила ей это послание с негодующим лицом.

Внутри было написано: «Нужно поговорить!»

Прочитав это, Мерета еще некоторое время держала открытку в руке и качала головой, глядя на нарисованные губы.

¹¹ ДСЮЭ – датский союз юристов и экономистов, входящий в Центральную организацию работников умственного труда.

Мысленно она унеслась назад, к тому вечеру в «Банкроте». Вспомнить об этом было приятно, однако она подумала, что со всей этой чепухой нужно как можно скорее покончить, пока это не зашло слишком далеко.

Прикинув, что и как она скажет, Мерета набрала номер его телефона и стала ждать, когда заработает автоответчик.

– Привет, это Мерета, – сказала она спокойным голосом. – Я долго об этом думала, но поняла, что ничего не получится. Работа и брат отнимают у меня слишком много времени. Тут, по-видимому, никогда ничего не изменится. Я искренне сожалею об этом. Прости!

Затем она взяла со стола свой еженедельник и вычеркнула номер, по которому только что говорила.

Тут как раз в кабинет вошла секретарша и остановилась у письменного стола.

Когда Мерета подняла голову и взглянула на нее, та улыбалась, такой улыбки Мерета никогда раньше у нее не видела.

Он ждал, стоя без пальто на площадке лестницы, выходящей на площадь Ригсдага. Холод был собачий, и по его лицу было видно, что он продрог. Несмотря на разговоры о парниковом эффекте, погода не позволяла долго находиться на улице. Не обращая внимания на фотографа, который только что вошел во двор с площади, он смотрел на нее с мольбой. Мерета попыталась увлечь его в помещение, тянула за собой, но у нее не хватало сил сдвинуть с места такого крупного мужчину.

– Мерета! – тихо сказал он, беря ее за плечи. – Пожалуйста! Я этого не вынесу.

– Мне очень жаль. – Она отрицательно качнула головой.

Его взгляд вдруг изменился: в глазах опять проступило то темное, глубоко затаенное, что вызывало у нее беспокойство.

Фотограф у него за спиной поднял камеру. Этого еще не хватало! Сейчас ей меньше всего хотелось, чтобы их сфотографировал репортер какой-то бульварной газетенки.

– К сожалению, я ничего не могу поделать! – крикнула она на бегу, направляясь к своей машине. – Это совершенно невозможно.

Когда за едой сестра вдруг начала плакать, Уффе взглянул на нее удивленно, да и только. Он так же неспешно, как всегда, подносил ложку ко рту, улыбался при каждом глотке, смотрел не отрываясь на ее губы, но сам был где-то далеко.

– Черт побери! – воскликнула она сквозь слезы, стукнула кулаком по столу и бросила на Уффе недобрый взгляд.

Ее душу заполняла досада. К сожалению, с некоторых пор это случалось все чаще.

Проснувшись, она отчетливо вспомнила свой сон. Воспоминание было так живо, так драгоценно и так ужасно!

Утро тогда выдалось дивное. Небольшой морозец и немного снежку – как раз столько, сколько требуется, чтобы поддерживать праздничное настроение. Жизнь в них так и играла. Мерете – шестнадцать лет, Уффе – тринадцать. Мама и папа после прошедшей ночи поглядывали друг на друга и мечтательно улыбались: с того момента, когда стали загружать вещи в багажник, и до тех пор, пока все это не закончилось. Утро перед сочельником – чудесные слова, от которых в душе поднималась радость. Столько приятных ожиданий! Уффе говорил, что мечтает получить проигрыватель для компакт-дисков. Это было последнее в его жизни желание, которое он изложил на словах.

Отправились в путь. Все радовались, дети смеялись. Там, куда они ехали, их с нетерпением ждали.

Мерета и Уффе сели сзади. Брат был тогда на двадцать килограммов легче ее, он толкался и возился, как резвящийся щенок. Мерета в ответ тоже толкалась, сняла свою перуанскую шапочку и шлепнула его по голове. С этого момента шутливая борьба перешла допустимую грань, и на повороте лесной дороги Уффе совсем развоевался. Мерета обхватила его руками

и попыталась заставить сидеть смирно. Он брыкался, визжал и вскрикивал, веселясь от души, и Мерета удерживала шалуна изо всех сил. Папа, улыбаясь, обернулся и протянул к ним руку; в этот миг Мерета и Уффе подняли головы и посмотрели вперед. Их машина совершала обгон. Прямо перед ними ехал «форд сиерра» красного цвета с серыми от соли боками: впереди мужчина и женщина средних лет, оба смотрят на дорогу, сзади тоже мальчик и девочка. Дети в обеих машинах стали строить друг другу рожи. Коротко стриженный мальчик был года на два моложе Мереты. Он поймал ее веселый взгляд, когда она отталкивала руку отца; она снова со смехом взглянула на мальчика и, только заметив, как изменилось выражение его лица, поняла, что ее отец потерял управление. На секунду в Мерету впились полные ужаса голубые глаза чужого мальчика и тут же пропали.

Скрежет металла о металл, одновременно вылетают раздавленные боковые стекла другой машины. Дети в той машине повалились на бок, а на Мерету полетел Уффе. Сзади раздался звон, впереди по лобовому стеклу разбежались трещины, полетели осколки. Какая из двух машин поломала придорожные деревья, Мерета не успела заметить, но тело Уффе швырнуло вперед, так что ремень безопасности чуть его не задушил. Затем раздался оглушительный грохот – сначала со стороны чужого автомобиля, затем их собственного. Кровь на обивке и передних стеклах смешалась с землей и снегом; ветка вонзилась в ногу Мереты. Сломанное дерево ткнулось в днище машины, и на секунду девочку подбросило. Грохот их машины, рухнувшей носом на шоссе, слился с пронзительным скрежетом со стороны «форда сиерры», которая врезалась в дерево и снесла его. Затем машина резко перевалилась на ту сторону, где сидел Уффе, и въехала в заросли на другой стороне. Одна рука у него торчала кверху, а ноги оказались зажатыми поверх вывернутого сиденья, где раньше находилась мама. Маму и папу она вообще не видела. Она видела только брата.

Проснулась Мерета оттого, что сердце сильно колотилось – до боли в груди. Все тело заледенело и покрылось холодным потом.

– Мерета, прекрати, – громко приказала она себе и сделала глубокий вдох, набрав в грудь столько воздуха, сколько могли вместить легкие.

Схватила за сердце и попыталась прогнать приснившееся видение. Только во сне она вспоминала случившееся с такой ужасающей ясностью. Когда все происходило наяву, она не замечала деталей – у нее оставалось только общее впечатление. Свет, крики, кровь и тьма, затем снова свет.

Мерета еще раз перевела дыхание и повернулась. Рядом на кровати спал Уффе и дышал с присвистом. Лицо его было спокойно. По крыше тихонько шелестел дождь.

10

2007 год

– Добрый день, меня зовут Асад, – произнес незнакомец, протягивая Карлу волосатую цепкую руку.

Карл не сразу вспомнил, где находится и кто это с ним говорит. Прошедшее утро не принесло ничего вдохновляющего; честно говоря, он мирно вздремнул, задрав ноги на стол и уткнувшись подбородком в грудь, со сборником кроссвордов sudoku на животе.

Спустив онемевшие ноги на пол, он уставился на возникшего перед ним смуглокожего мужчину. Тот выглядел старше Карла и определенно не был его земляком.

– Ладно, Асад, – лениво откликнулся Карл.

Асад так Асад, какая разница!

– Ты – Карл Мёрк. Так написано у тебя на двери. Мне сказали, что я буду тебе помогать. Это так?

Прищурившись, Карл всесторонне обдумал услышанное. Помогать?

– Да. Надеюсь, что так, – ответил он наконец.

За что боролся, на то и напоролся! Сейчас до Карла впервые дошло, что и на него самого присутствие в конторе этого коренастого существа накладывает известные обязательства. С одной стороны, помощника нужно чем-то занять, а с другой – придется и самому в некоторой мере чем-то заниматься. Пожалуй, это было необдуманное требование! Теперь, когда на Карла пялятся помощничек, он больше не сможет тянуть время. Раньше он думал, что все просто: сам он будет подремывать, отбывая положенные часы, а подчиненный пусть возится со всякими делами – тут ведь надо и полы помыть, и кофе заварить, и прибрать, и разложить что-нибудь по папкам. «Уж чем заняться, всегда найдется», – думал Карл еще недавно. И теперь вот этот тип сидит тут уже не первый час и пялится в пространство, то и дело зыряка на Карла своими глазницами: работа вся переделана и больше ничего нет. Даже специальная литература за спиной у Карла расставлена на полках по алфавиту, и все папки украсились номерами на корешках – бери и пользуйся! Со всеми этими делами помощник управился за два с половиной часа. И что дальше?

«Моя бы воля, – подумал Карл, – отпустил бы его домой, и дело с концом».

– Есть у тебя водительские права? – спросил он в надежде, что Маркус Якобсен упустил из виду это условие и тогда можно будет все переиграть по новой.

– Я умею водить такси, и личный автомобиль, и грузовик тоже, и Т-пятьдесят пять, а также танк Т-шестьдесят два, и бронетранспортер, и мотоцикл двухколесный и с коляской.

Тогда Карл надумал занять его чтением: пусть просвещается. Протянув руку, он вытащил с полки первую попавшуюся книгу: это оказался Справочник криминалиста за авторством инспектора полиции А. Хаслунна. Ладно, сойдет.

– Когда будешь читать, Асад, обращай внимание, как строится каждое предложение! Так можно многому научиться. Тебе приходилось читать по-датски?

– Я читал все газеты, и Конституцию, и все остальное.

– Все остальное? – переспросил Карл.

Да, нелегкая попалась задачка!

– Может быть, ты и sudoku любишь решать? – спросил он тогда и протянул Асаду свой сборник.

К концу этого дня у Карла разболелась спина: теперь он не мог свободно развалиться на стуле. Зато кофе, приготовленный Асадом, оказался потрясающим: он победил сонливость,

кровь быстрее побежала по сосудам, и под влиянием этих факторов Карл наконец принялся за папки.

Некоторые дела он и без того знал вдоль и поперек, но большая часть пришла из других полицейских округов, а часть и вовсе относилась ко времени до его поступления в уголовную полицию. Объединяло их то, что на их расследование были затрачены значительные ресурсы и к ним было привлечено пристальное внимание средств массовой информации, а в ряде случаев дело касалось граждан, пользовавшихся широкой известностью. Кроме того, расследование всех этих дел в итоге привело в тупик, в котором терялись все следы.

В грубом приближении их можно было рассортировать на три категории.

Первая и самая большая включала дела об убийствах различных типов, где в ходе расследования были выявлены вероятные мотивы, но так и не удалось выйти на убийцу.

Во вторую группу также входили дела об убийствах, но уже более сложного характера. Иногда трудности возникали с определением мотива, а порой присутствовало несколько жертв. Иногда до суда доходили пособники, но не главные преступники, и порой сам факт убийства был связан с каким-то элементом случайности. В этом типе дел удачный исход расследования иногда мог зависеть от удачного стечения обстоятельств: случайный прохожий, ставший свидетелем, средства передвижения, использованные в других преступлениях, донос, вызванный посторонними причинами, и тому подобное. Без удачи такие дела трудно поддаются раскрытию.

И наконец, третья группа представляла собой мешанину из дел об убийстве или предполагаемом убийстве, связанном с похищением человека, изнасилованием, поджогом, разбойным нападением, вызвавшим смерть жертвы, где присутствовал элемент экономических преступлений, а также нескольких дел с политическим оттенком. Это были дела, в которых полиция потерпела неудачу, а также некоторые, в которых правовое сознание дало серьезный сбой. Младенец, исчезнувший из коляски, старик, задушенный в своей квартире. Владелец фабрики, тело которого было обнаружено на кладбище в Карупе, или, например, дело о женщине-дипломате в Зоологическом саду. Хотя все в душе Карла этому противилось, он вынужден был признать, что предвыборное рвение Пив Вестергор было не только борьбой за избирательские голоса: настоящего политика ни одно из этих дел и впрямь не могло оставить равнодушным.

Он закурил новую сигарету и покосился на сидевшего напротив Асада. Нечего сказать – спокойный человек. Если он способен, как сейчас, заниматься своими делами, то они, возможно, и сработаются.

Карл уложил папки в три стопки и взглянул на часы. Если еще полчаса посидеть, сложив руки и закрыв глаза, то потом можно и по домам.

– Что это за дела у тебя тут лежат?

Слегка приподняв веки, Карл взглянул на Асада сквозь ресницы. Держа в руке Справочник криминалиста, помощник склонился над его столом. Судя по пальцу, заложенному между страницами, Асад довольно-таки далеко продвинулся в изучении книги. Или просто картинки просмотрел, как многие делают.

– Ты нарушил ход моих размышлений, – изрек Карл, подавляя зевоту. – Но раз уж так, то скажу: это дела, над которыми нам предстоит работать. Старые дела, от которых отказались другие. Понимаешь?

– Очень интересно, – произнес Асад, подняв брови и взяв из стопки верхнюю папку. – Никто не знает, кто это сделал, или вроде того, да?

Вытянув шею, Карл взглянул на часы: еще нет и трех. Тогда он взял папку и посмотрел на нее:

– Этого дела я не знаю. Что-то связанное с раскопками на острове Спрогё во время строительства моста через Большой Бельт. Они нашли в земле труп, и дальше стоп. За дело взялась полиция Слагельсе, но так ни до чего и не докопалась.

– Они не докопались? И это идет в первую очередь?

Карл посмотрел на него с недоумением.

– Имеешь в виду, с него ли мы начнем нашу работу?

– Ну да. Оно будет первое?

Карл нахмурился: что-то многовато вопросов.

– Сначала я должен хорошенько ознакомиться со всеми делами, а потом уж решу, с чего начинать.

– Это что – очень секретно? – спросил Асад, аккуратно укладывая папку на место.

– Эти дела-то? Да. В них вполне могут оказаться вещи, не предназначенные для посторонних глаз.

У смуглого помощника сделался вид мальчика, которому отказались купить мороженое, но которому прекрасно известно, что если постоять так подольше, то это поможет. Взаимное разглядывание затянулось, и Карл наконец смутился.

– Ну что? – спросил он. – У тебя какой-то конкретный вопрос?

– Раз уж я тут работаю, то если я пообещаю, что буду хранить тайну и никому ничего не скажу, ты разрешишь мне посмотреть эти папки?

– Асад, это же не твоя работа!

– Но другой-то у меня сейчас нет. Я дочитал до сорок пятой страницы, и в мою голову больше ничего не лезет.

– Вот как?

Карл огляделся, надеясь отыскать занятие если не для головы, то хотя бы для мускулистых рук Асада, однако и сам видел, что делать тут нечего.

– Ну ладно! Если ты клянешься всем святым, что ни под каким видом ни с кем, кроме меня, не будешь говорить о прочитанном, то изволь, если хочешь. – С этими словами он подвинул к Асаду крайнюю стопку. – Здесь дела трех разных категорий, так что смотри не перепутай. Я долго и тщательно продумывал систему их классификации. И помни: ни с кем, кроме меня, об этих делах не разговаривать!

Карл повернулся к компьютеру, но вспомнил:

– И еще одно! Это мои дела, и я очень загружен работой. Сам видишь, сколько их тут. Так что, пожалуйста, не рассчитывай, что я буду их с тобой обсуждать. Тебя взяли на работу, чтобы ты следил за чистотой и варил мне кофе. Когда тебе нечем заняться, я не против – читай, если хочешь. Но это не имеет никакого отношения к твоим рабочим обязанностям. Договорились?

– Договорились. – Асад постоял секунду, поглядывая на среднюю стопку. – Как я понимаю, в папках, которые лежат отдельно, особенные дела. Я возьму три сверху. Я не перепутаю стопки. Буду держать их в своей комнате. Когда они тебе понадобятся, ты только крикни, и я сразу их верну.

Карл проводил взглядом удаляющегося помощника: три папки под мышкой и Справочник криминалиста наготове. Это зрелище внушало ему тревогу.

Не прошло и часа, как Асад снова вошел в кабинет, где оставшийся в одиночестве Карл думал о Харди. Бедняга! Ему теперь и жизнь не мила! В таких мыслях не было ничего конструктивного.

Асад положил на стол одну из папок:

– Это единственное дело, которое я сам помню. Оно случилось, как раз когда я ходил на курсы датского языка, и мы читали о нем в газете. Оно показалось мне тогда очень интересным. И сейчас тоже.

Он протянул папку Карлу. Тот бегло взглянул на обложку:

– Значит, ты приехал в Данию в две тысячи втором?

– Нет. В девяносто восьмом. Но на курсы датского языка я ходил в две тысячи втором.

Ты тогда занимался этим делом?

– Нет, до структурной реформы такие дела проходили по ведомству разъездной бригады.

– И к разъездной бригаде оно отошло потому, что все случилось в море?

– Нет, это было потому... – Но тут Карл взглянул на внимательное лицо Асада с выразительно двигающимися бровями и передумал вдаваться в объяснения. – Да, именно так.

Зачем отягощать неподготовленный ум длинными экскурсами в область процедурного порядка полицейского ведомства?

– Классная была девушка Мерета Лjungгор, мне кажется, – сказал Асад и бегло улыбнулся.

– Классная? – Перед глазами Карла возник образ красавицы, брызжущей энергией. – Да, это уж точно.

11

2002 год

Прошло несколько дней, а куча весточек на столе все росла. Стараясь не показывать своего раздражения, секретарша держалась с напускным дружелюбием. Несколько раз, думая, что Мерета не замечает, она подолгу ее разглядывала. Один раз спросила, не хочет ли та поиграть с ней в сквош, но Мерета отказалась: она больше не собиралась заводить приятельские отношения с подчиненными.

После этого секретарша вернулась к обычному тону, сдержанному и официальному.

В пятницу после работы Мерета забрала последние письма и, перечитав несколько раз, бросила в пластиковый мешок, который завязала и отнесла в мусорный бак. Чтобы с этим было покончено раз и навсегда.

На душе было уныло и скверно.

Домработница оставила на столе жаркое, и оно все еще было теплым, когда они с Уффе наконец набегались по комнатам. Рядом с огнеупорной латкой лежал конверт и сверху записка.

«Не хватало только, чтобы она решила уволиться», – подумала Мерета и прочла записку: «Приходил человек с конвертом. Должно быть, из министерства».

Мерета вскрыла конверт и обнаружила там бумагу, на которой было написано: «Удачной поездки в Берлин». И больше ничего.

Рядом в нетерпеливом ожидании сидел над пустой тарелкой Уффе, его ноздри подрагивали от аппетитного запаха. Сжав губы, чтобы не расплакаться, Мерета стала накладывать ему еду.

Восточный ветер задул сильнее, и волны так разгулялись, что брызги пены перелетали через борт. Уффе любил смотреть с прогулочной палубы на кильватерную струю по бокам корабля и на парящих над ней чаек. А Мерета радовалась, когда брату было хорошо. Как здорово, что они все-таки отправились в эту поездку, Берлин ведь такой чудесный город!

Недалеко от них на палубе находилась пожилая пара, немного дальше, возле паровой трубы, расположилось за столиком семейство с термосами и припасенными в дорогу сэндвичами. Дети уже поели, и Мерета улыбнулась им. Отец взглянул на часы и что-то сказал жене. Семья начала собирать вещи.

Мерета помнила такие же путешествия с родителями. Это было очень давно. Она повернулась в другую сторону. Люди уже спускались на автомобильную палубу. Скоро они будут в порту Путтгарден, до прибытия осталось десять минут. Однако не все спешили собираться. Впереди, перед панорамным окном на носу, спокойно стояли двое мужчин и глядели на море, уткнувшись носом в шарфы. Один казался очень худым и изможденным. Видя, что они стоят в нескольких метрах друг от друга, Мерета подумала, что эти двое путешествуют не вместе.

По внезапному наитию она вынула из кармана письмо и еще разок посмотрела на четыре написанных в нем слова, затем опять спрятала листок в конверт. Подержав в поднятой руке, посмотрела, как конверт трепещет на ветру, и отпустила. Тот взмыл вверх, а затем нырнул и улетел в открытый проем под прогулочной палубой.

В первую секунду Мерете захотелось спуститься и подобрать его, но тут он вдруг выпорхнул из проема, заплескал над волнами, перевернулся несколько раз в воздухе и канул в белую пену. Уффе засмеялся: он все время следил за конвертом. Заливисто хохоча, он вдруг сорвал с головы бейсбольную кепку и швырнул ее следом.

– Стой! – только и успела крикнуть Мерета, прежде чем кепка скрылась в волнах.

Бейсболку Уффе получил в подарок на Рождество и очень ее любил. Не успела она исчезнуть из вида, как он уже пожалел о своем поступке: было видно, что он хочет прыгнуть за ней и вернуть свое сокровище.

– Нет, Уффе, стой! – закричала Мерета. – Все, улетела, теперь не достанешь!

Но Уффе уже занес ногу на металлический борт, высунулся за деревянные перила, перегнулся так, что уже едва удерживал равновесие.

– Перестань, Уффе, ее нельзя достать, – снова крикнула Мерета.

Но Уффе был очень сильным, гораздо сильнее сестры. И он даже не слышал ее. Для него существовали только кипящие волны, где исчезла подаренная на Рождество бейсболка – драгоценная реликвия в его незамысловатой, бедной впечатлениями жизни.

И тогда она с размаху ударила его по лицу. Она никогда этого не делала и сама в испуге отдернула руку. Уффе ничего не понимал; потрясенный, он забыл про бейсболку и схватился за щеку. Много лет он не испытывал такой боли и даже не мог понять, что это такое. Посмотрев на сестру, он ударил ее в ответ. Ударил так, как никогда раньше.

12

2007 год

И в эту ночь начальнику отдела убийств Маркусу Якобсену опять не удалось толком поспать.

Свидетельница по делу об убийстве велосипедиста в парке Вальбю пыталась покончить с собой, приняв большую дозу снотворного. Какого черта она вздумала это сделать, было совершенно непостижимо, у нее же имелись дети и любящая мать. Кто мог запугать женщину до такой степени? Ей была предоставлена защита свидетеля, круглосуточная охрана и все такое. И откуда она вообще взяла эти таблетки?

– Шел бы ты домой поспать, – сказал его заместитель, когда Маркус вернулся после обычного совещания у главного инспектора.

– Пожалуй, стоит прилечь на пару часиков, – кивнул Маркус. – Но тогда вам с Баком придется съездить в Ригсхоспиталет¹² и попробовать добиться от этой женщины объяснений. И не забудь захватить с собой ее мать и детей, чтобы она их видела. Надо же как-то вернуть ее к действительности.

– Или отвлечь от действительности, – сказал Ларс Бьёрн.

Телефон был переключен на секретаря, однако раздался звонок.

«Ни с кем не соединять, кроме королевы и принца Хенрика», – гласило распоряжение, данное секретарше. Значит, это жена.

– Да? – сказал Ларс в трубку.

Когда он услышал голос собеседника, усталость навалилась на него пуще прежнего.

– Это начальник Управления полиции, – сказал шепотом Ларс, прикрыв рукой трубку, а потом передал ее Маркусу и на цыпочках вышел из кабинета.

– Да, Маркус, – раздался в трубке характерный голос. – Я звоню, чтобы рассказать тебе: министр юстиции и комитеты быстро провели работу. Так что дополнительные ассигнования приняты.

– Приятная новость, – ответил Маркус, прикидывая, как можно поделить бюджет.

– Ну, ты же знаешь официальный путь прохождения служебных бумаг. Сегодня Пив Вестергор и комитет Датской партии по вопросам права побывали на совещании в Министерстве юстиции, и колеса завертелись. Начальник полицейского ведомства попросил начальника Государственной полиции выяснить у меня, управились ли вы с организацией нового отдела.

– Полагаю, что да. – Маркус нахмурился, представив усталое лицо Карла.

– Вот и хорошо. Передам эту новость по инстанциям. И с какого же дела вы собираетесь начать?

Такой вопрос как-то не вдохновлял на энергичные действия.

В душе Карл уже совсем собрался домой: часы на стене показывали шестнадцать тридцать шесть, но его внутренние часы их значительно обгоняли. Поэтому звонок Маркуса Якобсена, предупредившего, что сейчас спустится, показался ему совсем некстати.

– Я должен отчитаться наверх о том, над чем ты сейчас работаешь, – заявил Маркус.

Карл тоскливо посмотрел на пустую доску объявлений и невымытые кофейные чашки, выстроившиеся на столе для совещаний.

– Ладно, Маркус. У меня еще есть двадцать минут, так что можешь зайти. Вообще-то, у нас тут работы выше головы.

Положив трубку и набрав полную грудь воздуха, он медленно выдохнул, встал и пошел по коридору.

¹² *Ригсхоспиталет* (государственная больница) – название большой многопрофильной больницы в Копенгагене.

Асад сидел в своей камере. На его крошечном письменном столике стояли две фотографии в рамках, на каждой теснилось бесчисленное множество людей. Над столом красовался плакат с арабской надписью и экзотическим зданием – что это такое, Карл не смог сразу вспомнить. На крючке в двери висел коричневый халат того покроя, который исчез из обихода вместе с теплыми гамашами. Вдоль стены напротив двери были аккуратно расставлены в ряд орудия труда: ведро, швабра, пылесос и целый арсенал бутылок с моющими и чистящими средствами. На полке были разложены резиновые перчатки, маленький транзистор с кассетным проигрывателем, из которого чуть слышно лились звуки тунисского базара, рядом блокнот, бумага, карандаш, Коран и маленькая пачка периодики с арабской печатью. На коврике, расстеленном перед полкой, еле-еле могло поместиться коленопреклоненное тело. Все вместе выглядело весьма живописно.

– Асад, – заявил Карл, – появилась спешная работа. Через двадцать минут сюда придет начальник отдела убийств, надо быстренько подготовиться к его приходу. Мне бы хотелось, чтобы, когда он придет, ты мыл пол в другом конце коридора. Надеюсь, это тебя не слишком затруднит.

– Я смотрю, Карл, ты уже привел все в систему, – сказал Маркус Якобсен, устало кивая на доску для объявлений. – Похоже, оправился?

– Оправился? Ну да! Стараюсь по мере сил. Но должен предупредить, что для полного восстановления мне еще потребуется время.

– Если это кризис, тебе поможет беседа со специалистом-психологом. Не стоит недооценивать пережитые душевные травмы, тебе ведь пришлось через такое пройти!

– Думаю, в этом нет необходимости.

– Ладно, Карл. Но если понадобится, ты только скажи.

Маркус Якобсен повернулся к стене, на которой висел телевизор.

– Тебе установили плоский экран, – сказал он, увидев сорокадюймовую картинку новостного канала ТВ-2.

– Да, мы же должны быть в курсе происходящего в мире, – сказал Карл, мысленно помянув добром Асада, который подсоединил эту штуковину за какие-то пять минут. Оказывается, он умеет и это. – Между прочим, там сейчас сказали, что свидетельница по делу об убийстве велосипедиста совершила попытку самоубийства.

– Как? Что за черт! Неужели об этом успели раструбить? – Начальник отдела убийств был явно ошарашен и даже разволновался.

Карл пожал плечами. После десяти лет на этой должности пора бы уже человеку привыкнуть к подобным неприятностям.

– Я разделил дела на три категории. – Карл гордо указал на свои стопки. – Это сложные и неординарные дела. Я потратил не один день, чтобы вникнуть в них. Потребуется уйма времени.

Начальник отдела убийств отвел глаза от экрана:

– Ничего, сколько займет, столько и займет. Лишь бы получить результат. Если нужна будет помощь соседей сверху, ты только скажи. – Он попытался улыбнуться, а затем спросил: – С каких дел ты решил начать?

– Я уже работаю над несколькими, так сказать, на первичном уровне. Наверное, первым будет все-таки дело Мереты Лjungгор.

– Действительно, это было странное дело, – оживился шеф. – Чтобы человек вот так вдруг исчез в течение нескольких минут на пароме Рёдбю – Путтгарден! И никаких свидетелей.

– Да, в этом деле много странных обстоятельств, – согласился Карл, стараясь вспомнить хотя бы одно.

– Сначала ее брата обвинили в том, что он выпихнул ее за борт, но потом это обвинение отпало. Ты нащупал какой-нибудь след, с которого можно начать?

– Возможно. Я не знаю, где ее брат сейчас, так что сначала надо его найти. Но тут есть и другие нити, это сразу бросается в глаза.

– Насколько я помню, из документов следует, что его поместили в заведение на севере Ютландии.

– Это, конечно, так. Но может быть, сейчас он уже не там. – Карл попытался изобразить на лице задумчивость, говоря про себя: «Шел бы ты уже к себе в кабинет, господин начальник отдела!»

Столько вопросов, а он едва успел на пять минут заглянуть в дело.

– Он в учреждении, которое называется «Эгелю». Во Фредерикссулле, – донеслось со стороны двери.

На пороге стоял Асад, опираясь на швабру. С белозубой улыбкой, в зеленых перчатках и в халате до щиколоток, он был похож на какое-то инопланетное существо. Обернувшись, начальник отдела убийств в растерянности воззрился на экзотическое явление.

– Хафез Асад, – представился уборщик, протягивая руку в резиновой перчатке.

– Маркус Якобсен, – ответил начальник отдела убийств, пожимая его руку.

Затем он с вопросительным выражением на лице обратил свой взор к Карлу.

– Это мой новый помощник. Асад слышал мой разговор об этом деле, – пояснил Карл, бросив на того выразительный взгляд, который, однако, не произвел ни малейшего впечатления.

– Ах так, понятно, – произнес начальник отдела убийств.

– Да, вице-комиссар полиции Мёрк действительно трудился, не жалея себя. Я только немного помогал ему и был на подхвате, где можно. – Асад расплылся в широкой улыбке. – Я только одно не могу понять: почему тело Мереты Лjungгор так и не нашли? У нас в Сирии в море водится много акул, и они пожирают тела утопленников. Но раз у берегов Дании не плавают так много акул, то в конце концов ее должны были выловить. Мертвые тела всплывают, как воздушные шары, когда гниющие внутренности наполняют их газом.

– Это так. – Начальник отдела убийств попытался улыбнуться. – Но Данию окружают морские просторы, и глубины здесь большие. Нередко случается, что утонувшего человека так и не удается найти. И уже несколько раз бывало, что люди, упавшие с пассажирских теплоходов во время рейса, навсегда пропадали, а их тела так и не находились.

– Асад! – Карл взглянул на часы. – Ты можешь уже идти домой. Так что до завтра!

Помощник коротко кивнул и поднял с пола свое ведро. Погремев где-то инвентарем, он снова просунул голову в дверь, чтобы попрощаться.

– Занятный тип этот Хафез Асад! – сказал начальник отдела убийств, когда шаги смолкли вдалеке.

13

2007 год

В понедельник, когда Карл пришел на работу, его уже ждала в компьютере памятка от заместителя начальника отдела убийств: «Я проинформировал Бака, что ты начал заниматься делом Мереты Лjungгор. Бак работал над ним в составе разъездной бригады под конец расследования, он кое-что знает. Сейчас на нем висит дело об убийстве велосипедиста, но он постарается при первой возможности потолковать с тобой».

Подпись: Ларс Бьёрн.

Карл фыркнул. «При первой возможности!» Что воображает о себе Бак? Самодовольный, самоуверенный, самовлюбленный! Бюрократ и «отличник» в одном лице! Наверняка он и от жены требует представить анкету в трех экземплярах, прежде чем снизойти до того, чтобы приласкать ее в постели!

Так, оказывается, это Бак занимался расследованием дела, которое так и осталось нераскрытым. Заманчиво! Вот и появился стимул к работе – утереть нос Баку.

Карл взял со стола соответствующую папку и попросил Асада приготовить кофе.

– Не такой крепкий, как вчера, – добавил он, вспомнив, как далеко отсюда до туалета.

Из всех папок, какие Карл успел просмотреть, дело Лjungгор было, кажется, самым подробным и всесторонне документированным. Копии всего: от отчетов о состоянии здоровья ее брата Уффе до выписок из допросов, газетных вырезок и бульварных очерков, парочки видеозаписей интервью Мереты Лjungгор и подробных свидетельских показаний пассажиров парома, которые видели ее с братом на палубе. В деле были представлены фотографии той самой прогулочной палубы и ограждения, а также фотография, показывающая расстояние до воды. На том месте, где она исчезла, были взяты отпечатки пальцев. Имелись адреса многочисленных пассажиров, делавших снимки на борту парома линии «Скандлайнз». Имелась даже копия судового журнала, из которой можно было узнать, как отреагировал на случившееся капитан. Не было только ни одной зацепки, способной помочь в расследовании.

«Надо посмотреть видеопленки», – подумал Карл, оторвавшись от чтения, и с тоской поглядел на свой DVD-проигрыватель.

– Асад, для тебя есть поручение, – сказал он, когда помощник вернулся с чашкой дымящегося кофе. – Поднимешься на третий этаж в отдел по расследованию убийств, войдешь в зеленую дверь и затем дальше по красным коридорам, пока не дойдешь до кармана, где...

Асад подал ему чашку, от которой еще издали неслись ароматы, чреватые тяжкими желудочными проблемами.

– Карман? – спросил он, сдвинув брови.

– Ну, вроде прихожей, где коридор расширяется. Подойди там к светленькой женщине. Зовут ее Лиза. С ней можно договориться. Скажи ей, что Карлу Мёрку нужен в подвал видеоплеер. Мы с ней хорошие друзья. – Карл подмигнул Асаду, тот в ответ тоже подмигнул. – Но если там будет только темненькая, тогда ничего не надо, а просто возвращайся.

Асад кивнул.

– И не забудь захватить с собой скарт-штекер, – крикнул Карл вслед помощнику, удалявшемуся по залитому неоновым светом коридору.

– Там была только темненькая, – доложил Асад, вернувшись. – Она дала мне два видеоплеера и сказала, что мы можем оставить их себе. Она тоже хорошенькая, – с широкой улыбкой добавил он.

Карл только покачал головой: должно быть, наверху произошла смена персонала.

Первая видеозапись была взята из телевизионных новостей от 20 декабря 2001 года. Мерета Лjungгор давала комментарий по поводу проходившей в Лондоне неформальной кон-

ференции по вопросам здоровья и климата, в которой она принимала участие. В интервью речь главным образом шла о ее беседе с сенатором Брюсом Дженсеном об отношении американцев к работе ВОЗ и к Киотскому протоколу, который, по ее мнению, позволял с оптимизмом смотреть в будущее.

«Интересно, она вообще легко поддавалась на обман?» – подумал Карл.

Но, кроме этой, несомненно объясняющей ее молодостью, наивности, Мерета Лjungгор в остальном отличалась объективностью и трезвостью суждений, в чем далеко превосходила новоизбранного министра внутренних дел и здравоохранения, который рядом с ней имел вид гимназического учителя из фильма шестидесятых годов.

– Настоящая дама, классная и красивая, – высказался с порога Асад.

Вторая видеозапись относилась к 21 февраля 2002 года. На ней Мерета Лjungгор в качестве докладчика своей партии по вопросам окружающей среды комментировала запрос, направленный самодовольным критиком экологического движения Бьярке Эрнфельтом в комиссию, занимающуюся подтасовками в науке.

«Это же надо было так назвать комиссию! – подумал Карл. – Чтобы в Дании и вдруг такая кафкианская штука!»

В этот раз на экране предстала совершенно другая Мерета Лjungгор: проще и менее похожая на политика.

– Какая же она тут красивая, настоящая красавица, – сказал Асад.

Карл оглянулся на помощника: очевидно, в его системе жизненных ценностей женская красота занимала видное место и была важнейшим параметром оценки. Но и Карл мысленно согласился с Асадом: вокруг Мереты витала совершенно особая аура. Она излучала огромные снопы той мощнейшей притягательной силы, которую излучают женщины, чувствующие себя на высоте. Очень многообещающе, но и очень тревожно.

– Она что, была беременна? – спросил Асад.

Судя по многочисленности его родни на фотографиях, это состояние женщины было ему очень хорошо знакомо по опыту.

Карл достал сигарету и еще раз перелистал бумаги. Поскольку тело так и не нашлось, в деле отсутствовал отчет о вскрытии, который мог бы дать ответ на этот вопрос. Из статей в бульварных газетах следовало, что мужчинами она не интересовалась. Впрочем, это еще не значит, что она не могла быть беременной. Ознакомившись с материалами подробнее, Карл выяснил, что близких отношений Мерета не поддерживала вообще ни с кем – ни с мужчинами, ни с женщинами.

– Должно быть, она тогда в кого-то влюбилась, – заключил Асад. Отбросив сигарету, он придвинулся так близко, что почти уткнулся носом в экран. – Вон красные пятна на щеках. Посмотри-ка!

Карл помотал головой:

– По-моему, в тот день было всего два градуса тепла. У политиков, дающих интервью под открытым небом, часто бывает при этом чрезвычайно здоровый вид! Сам подумай, иначе зачем бы им соглашаться на такие условия?

Однако Асад был прав. Мерета настолько изменилась, что разница сразу бросалась в глаза. Очевидно, что в промежутке между этими двумя интервью что-то произошло. И никакие демарши Бьярке Эрнфельта, неуклюжего продажного лоббиста, чьей специальностью было уменьшать факты, связанные с природными катастрофами, до микроскопических размеров, наверняка не вызвали бы на ее лице такого нежного румянца.

На секунду Карл уставился в пустоту. В каждом расследовании на каком-то этапе наступает момент, когда ты начинаешь жалеть, что тебе не довелось своими глазами увидеть жертву при жизни. На сей раз он наступил раньше обычного.

– Асад! Позвони-ка в это самое «Эгелю», куда поместили брата Мереты Люнггор, и договорись о посещении от имени вице-комиссара криминальной полиции Мёрка.

– А кто это – вице-комиссар криминальной полиции Мёрк?

Карл покрутил пальцем у виска. Дурак он, что ли?

– Действительно, кто бы это мог быть?

Асад покачал головой:

– Мне казалось, ты – вице-комиссар полиции. Разве не так это стало называться после реформирования?

Карл тяжело вздохнул. Идиотская реформа полиции! Да начхать он на нее хотел!

Через десять минут из «Эгелю» позвонил заведующий. Не скрывая своего удивления, он поинтересовался, в чем дело. Вероятно, Асад добавил от себя что-то непредусмотренное. Но чего вы хотите от ассистента в резиновых перчатках и с пластиковым ведром? Все когда-то передвигались ползком, прежде чем научиться ходить.

Карл перевел взгляд на помощника и, дождавшись, когда тот оторвется от своего sudoku, ободряюще кивнул.

За тридцать секунд Карл ввел заведующего в курс дела и получил короткий и ясный ответ: Уффе Люнггор вообще не разговаривает, так что вице-комиссару полиции нет смысла с ним видаться. К этому добавлялось и то обстоятельство, что, хотя Уффе Люнггор нем и замкнут в себе, официально он не объявлен недееспособным. И поскольку Уффе Люнггор не дал согласия на то, чтобы работники «Эгелю» отвечали на вопросы вместо него, то они не вправе делать какие-либо высказывания. Получался замкнутый круг.

– Я знаю принятый порядок. Разумеется, я ни от кого не потребую нарушать врачебную тайну. Однако я ведь расследую дело об исчезновении его сестры и думаю, что Уффе с большой радостью согласится поговорить со мной.

– Я ведь только что сказал – Уффе не разговаривает.

– Из тех, кого мы расспрашиваем, мало кто хочет говорить, но мы как-то справляемся. Мы тут, в отделе «Q», очень хорошо схватываем невысказанные сигналы.

– В отделе «Q»?

– Да. В Управлении полиции мы представляем элитную следственную группу. Когда мне можно приехать?

В трубке послышался вздох. Доктор был умным человеком и понял, что собеседник обладает бульдожьей хваткой.

– Я подумаю, что могу сделать. Вам позвонят, – пообещал он.

– Что такое ты сказал этому человеку, Асад, когда говорил с ним по телефону? – крикнул Карл, положив трубку.

– Этому человеку? Что хочу говорить с главным начальником, а не с каким-то заведующим.

– Заведующий и есть начальник, Асад.

Карл глубоко вздохнул, поднялся из-за стола, пошел в каморку и, глядя в глаза своему помощнику, спросил:

– Ты не знаешь слова «заведовать»? Заведовать чем-то – это значит быть начальником.

Они обменялись кивками в знак полного понимания.

– Завтра заедешь за мной в Аллерёд, где я живу. Поедем по делу. Ты со мной?

Асад пожал плечами.

– А с этим, – спросил Карл, показав пальцем на молитвенный коврик, – в поездке не будет проблем?

– Это можно скатать в рулон.

– Ага. А как ты узнаешь, в какой стороне Мекка?

Асад показал на свою голову, словно у него в височной доле находился вживленный GPS-навигатор.

– А если тебе покажется, что ты не знаешь в точности, то еще есть вот это. – Он приподнял одну из газет на полке, и под ней обнаружился компас.

– Ладно, – сказал Карл. Но, посмотрев на мощное скопление металлических труб, тянувшихся под потолком, добавил: – Тут в подвале компас непригоден.

Асад снова указал пальцем на свою голову.

– Ах так! То есть ты полагаешься на свое ощущение. Значит, полная точность не обязательна?

– Аллах велик. У него очень широкие плечи.

Карл сделал понимающую мину. Конечно же! Какие могут быть сомнения!

Когда Карл вошел в кабинет руководителя следственной группы Бака, на него тут же обратились четыре пары глаз, обведенных темными кругами. Не было никаких сомнений, что группа задыхалась от свалившейся на нее работы. На стене висела большая карта парка Вальбю, на которой были отмечены основные точки, связанные с расследуемым делом: место убийства, место обнаружения орудия убийства – старинной опасной бритвы, место, где свидетельница видела убитого в обществе предполагаемого убийцы, и, наконец, путь свидетельницы по территории парка. Все было замерено и проанализировано, но концы с концами не сходились.

– Карл, нашу беседу придется отложить до лучших времен, – сказал Бак, поправляя рукав черной кожаной куртки, унаследованной от прежнего начальника отдела убийств.

Эта куртка была его сокровищем, подтверждением его необыкновенных достоинств, и он редко ее снимал. Однако сейчас раскаленные батареи нагрели помещение до сорока градусов, а стало быть, Бак собирался вскоре выйти на воздух.

Карл посмотрел на фотографии, прикрепленные к доске у него за спиной. Зрелище было достаточно неприглядное. По-видимому, тело было изувечено после смерти: на груди глубокие раны, половина уха отрезана. На белой рубашке кровью убитого был выведен крест. Карл подумал, что вместо кисти послужила отрезанная половина уха. Мерзлая трава возле велосипеда была примята, сам велосипед тоже, вероятно, топтали ногами: спицы переднего колеса были сильно погнуты. На земле лежал раскрытый портфель, валялись разбросанные учебники коммерческого училища.

– До лучших времен, говоришь? Ладно! Но может быть, ты на минуточку все-таки оторвешься от мыслей о постигшей тебя смерти мозга и расскажешь мне, что твоя главная свидетельница сообщила о человеке, которого видела с убитым перед самым убийством? – спросил Карл.

Все четверо присутствующих посмотрели на него так, словно он совершил святотатство. Бак, казалось, готов был убить его взглядом.

– Это не твое дело. Поговорим позже. Хочешь верь, хочешь не верь, но у нас полно работы.

– А как же! – Карл кивнул. – Это сразу видно по вашим гладким лицам. Разумеется, у вас полно работы. И кто-то из вас, конечно же, отправился сделать обыск в квартире свидетельницы после того, как она попала в больницу.

Они переглянулись. Возмущенно, но в то же время и вопросительно.

Значит, не додумались. И то хлеб.

Когда Карл навестил Маркуса Якобсена, тот как раз успел расположиться в своем кабинете. Как всегда, вид у него был отличный: на голове аккуратный пробор, взгляд бодрый и внимательный.

– Маркус, вы обыскали жилище свидетельницы после попытки самоубийства? – спросил Карл, указывая на папку с делом, лежавшую на столе.

– Ты это в каком смысле?

– Вы ведь, кажется, не нашли отрезанную половину уха жертвы?
– Пока еще нет. А ты намекаешь, что она может находиться в жилище свидетельницы?
– На вашем месте, шеф, я бы ее поискал.
– Если бы она ее получила, то, уверен, избавилась бы от нее.
– Так поищите в мусорных баках на дворе. И хорошенько посмотрите в туалете.
– Там давно уже спустили воду.
– Тебе же знакомо, наверное, как нечистоты все время всплывают, сколько их ни спускай?
– Да-да, Карл. Пожалуй, и правда давай проверим.
– Гордость отдела, господин маменькин сынок Бак не желает со мной разговаривать.
– Так подожди немного. Твои-то дела никуда не уйдут.
– Я просто хочу, чтобы ты знал. Это препятствует моей работе.
– Ну и занялся бы пока другими делами. Что я еще могу предложить? – Маркус взял шариковую ручку и постучал по столешнице. – И как там насчет твоего чудика? Я надеюсь, ты не посвящаешь его в расследование?

– Что ты! В таком большом отделе, каким я руковожу, до него вряд ли нечаянно дойдут секретные сведения.

Начальник отдела убийств отшвырнул ручку.

– Карл, на тебе лежит обязательство хранить служебную тайну, а этот человек не полицейский. Так что не забывай!

Карл кивнул. Как-нибудь он уж сам разберется, что и где ему говорить.

– А откуда у вас вообще взялся этот Асад? Из бюро по трудоустройству?

– Не имею никакого представления. Спроси у Ларса Бьёрна. Или у него самого.

– Между прочим, – Карл поднял указательный палец, – я хотел бы получить план подвальных помещений, точный и ориентированный по сторонам света.

На лице Маркуса Якобсена едва заметно проступила усталость. Мало кто осмеливался обращаться к нему с такими странными требованиями.

– Карл, план помещений ты можешь найти во внутренней сети. Нет ничего легче!

– Вот здесь. – Карл ткнул пальцем в развернутый перед Асадом план. – Тут у тебя эта стена, а вон там лежит твой молитвенный коврик. А здесь ты видишь стрелку, указывающую на север. Теперь можешь расположить свой коврик совершенно точно.

Во взгляде подчиненного Карл увидел безграничное почтение. Похоже, они с Асадом станут хорошей командой.

– Без тебя звонили два человека. Обоим я сказал, что ты им непременно когда-нибудь перезвонишь.

– И кто же это был?

– Этот самый заведующий из Фредериксунна, а еще женщина, у нее был голос как у машины, разрезающей металл.

– Это Вигга. – Карл испустил глубокий вздох. – Моя жена.

Значит, она уже разузнала его новый рабочий телефон. Конец миру и спокойствию.

– Жена? У тебя есть жена?

– Ой, Асад! Это слишком сложно объяснить. Мы еще недостаточно хорошо с тобой знакомы.

Асад поджал губы и покивал. По его серьезному лицу скользнуло сочувственное выражение.

– Скажи, а как ты попал сюда на работу?

– Я знаком с Ларсом Бьёрном.

– И как ты с ним познакомился?

Асад улыбнулся:

– Целый месяц я каждый день ходил к нему в кабинет, чтобы он принял меня на работу.

– Ты добивался от Ларса Бьёрна, чтобы он взял тебя на работу?

– Ну да! Я люблю полицию.

Вигге Карл позвонил, только когда очутился у себя дома в гостиной. Здесь витали запахи жаркого с овощами, которое под прочувствованное пение итальянских арий Мортен стряпал из того, что некогда было истинно пармской ветчиной из ближайшего гастронома.

Вообще-то, Вигга была вполне сносной женщиной – при условии, что в твоей власти было как-то дозировать общение с ней. В прошлые годы это условие было трудновыполнимым, но теперь, когда она от него ушла, между ними установились определенные правила игры.

– Вигга, что за черт! – сказал Карл. – Ты ошибаешься, если думаешь, что твои звонки на работу меня радуют. Все заняты делом, и нам чертовски некогда.

– Ну, Карл, миленький! Разве Мортен не говорил тебе, что я здесь замерзаю?

– А что тут удивительного! Это же садовый домик, его сколотили из чего попало: старых досок и ящиков, выброшенных за негодностью еще в сорок пятом году. Выход один – уезжать оттуда.

– Но я не собираюсь снова переезжать к тебе!

Он набрал в грудь побольше воздуха:

– От души надеюсь, что нет. Было бы нелегко разместить тебя и всех твоих юнцов в сауне внизу у Мортена. Уж наверное, для тебя найдется где-нибудь квартира в доме с отоплением.

– Я придумала хорошее решение этого вопроса.

Каково бы ни было это решение, оно наверняка обойдется недешево.

– Вигга, наилучший способ решения – это развод.

Все равно когда-нибудь это должно произойти. Она потребует с него половину стоимости дома, а за последние годы из-за бешеного роста цен на рынке жилья это составит весьма солидную сумму. Надо было самому подать на развод, пока цена этих домов была вдвое ниже. Но теперь поздно жалеть, а он, черт возьми, не намерен отсюда выезжать.

Подняв глаза к трясущемуся потолку, над которым находилась комната Йеспера, Карл подумал: «Даже если из-за развода мне придется брать кредит, это все равно обойдется не дороже, чем я плачу сейчас». При разводе Вигге придется взять на себя часть расходов по содержанию сына. Карл был уверен, что во всем районе ни у кого нет таких больших счетов за электричество.

– Развод? Нет, Карл, я разводиться не собираюсь. Однажды я это уже испытала. Сам знаешь, в этом нет ничего хорошего.

Он потряс головой. Интересно, как она сама называла то положение, в котором они находятся вот уже несколько лет?

– Карл, я хочу завести галерею. Свою собственную галерею.

Отлично! Вот и приехали! Он представил себе метровые розовые пятна творений Вигги, заключенных в бронзовые рамы. Галерея? Превосходный выход, чтобы освободить больше места в садовом домике!

– Галерею, говоришь? Причем с гигантской печкой для обогрева, как я себе представляю. Сиди в тепле и радуйся, глядя, как к тебе стекаются миллионы!

Карлу было понятно, в чем изюминка этой идеи.

– Да уж, язвить ты всегда был мастер! – Вигга засмеялась. Смех у нее был дьявольски хорош, перед ним Карл никогда не мог устоять. – Но это и правда потрясающе здорово! Если есть своя галерея, открываются огромные возможности. Неужели ты не понимаешь? И может быть, у Йеспера окажется знаменитая мать, разве не замечательно, если я прославлюсь?

«Смотря чем прославиться», – мысленно отозвался Карл, но вслух произнес:

– И ты, как я догадываюсь, уже подыскала помещение?

- Карл, это такая прелесть! И Хугин¹³ уже переговорил с владельцем.
- Хугин?
- Да, его так зовут. Он очень талантливый художник.
- Вероятно, он талантлив больше по части простыней, чем каких-то иных полотен.
- Ну, Карл! – Она снова засмеялась. – Не будь такой бякой!

¹³ *Хугин* – имя одного из пары вещей воронов, спутников древнескандинавского бога Одина.

14

2002 год

Мерета ждала брата на ресторанной палубе. Перед тем как за ним захлопнулась дверь мужского туалета, она сказала ему, чтобы он поторопился. В кафетерии не осталось никого, кроме обслуживающего персонала, все пассажиры уже спустились к машинам на автомобильную палубу. «Лишь бы Уффе не застрял тут слишком надолго, хотя „ауди“ и стоит в заднем ряду», – подумала она тогда.

Это была ее последняя мысль из прошлой жизни.

Напали на нее сзади и так неожиданно, что она даже не успела вскрикнуть. Зато ясно увидела руку и тряпку, которую крепко прижали к ее носу и рту. А потом, уже более смутно, – как кто-то нажал на черную кнопку, открывавшую дверь к трапу вниз на автомобильную палубу. Под конец в памяти сохранились только далекие звуки и вид металлических стен трапа, перед глазами все закружилось, а затем наступила чернота.

Бетонный пол, на котором она очнулась, был страшно холодным. Она приподняла голову и почувствовала в ней глухую пульсирующую боль. Ноги налились тяжестью, а плечи невозможно было оторвать от пола. С трудом Мерета заставила себя принять сидячее положение и попыталась сориентироваться в кромешной тьме. Подумала, не позвать ли на помощь, но не решилась. Вместо этого она несколько раз глубоко вдохнула, затем осторожно выставила вперед руки, чтобы понять, нет ли здесь чего-нибудь, но нашла только пустоту.

Она долго сидела, прежде чем осмелилась встать на ноги, медленно и осторожно, готовясь сразу сделать выпад в ту сторону, где послышится хоть малейший шум. Бить надо резко, изо всех сил. Отбиваться руками и ногами. Чувства подсказывали, что она здесь одна, но можно было и ошибиться.

Чуть погода в голове прояснилось, и тут в душу, как болезнь, начал закрадываться страх. Ей стало жарко, сердце забилось резче и сильнее. Невидящий взор Мереты заметался в окружающей тьме. Как и все, она начиталась и насмотрелась столько ужасов!

Про женщин, которые пропадали бесследно.

Затем, выставив перед собой руки, она вслепую сделала несколько шагов. В полу мог оказаться провал, бездонная пропасть, которая только и ждала, чтобы она упала туда и разбилась. Могли прятаться острые орудия или стекло. Но ноги ступали по твердому полу, а впереди ничего не попадалось. Потом она внезапно остановилась и замерла на месте.

«Уффе, – подумала Мерета и почувствовала, как у нее задрожал подбородок. – Он был на борту, когда это случилось».

Прошло, вероятно, несколько часов, пока она наконец мысленно нарисовала в уме план помещения. По-видимому, оно было прямоугольным, метров семи-восьми в длину и не менее пяти в ширину. За это время она ощупала холодные стены и на высоте человеческого роста обнаружила в одной из них застекленные окна, напоминающие огромные иллюминаторы. Она с размаху била по ним башмаком, но стекло не поддавалось. Затем Мерета нашла края чего-то похожего на овальную дверь, однако без ручки. Тогда она исследовала всю стену в надежде обнаружить где-нибудь ручку или электрический выключатель, но поверхность повсюду была ровной и холодной.

Затем она систематически обследовала пространство. Мелкими шажками по прямой линии продвигалась от стены к стене, поворачивала назад и, сделав один шаг в сторону, такими же мелкими шажками возвращалась обратно. Закончив, она пришла к выводу, что, кроме нее и сухого воздуха, здесь ничего нет.

«Надо ждать там, где находится что-то похожее на дверь», – подумала она и решила сесть возле двери на полу, чтобы ее не могли увидеть через окна в стене. Как только кто-нибудь

войдет, она схватит его за ноги и дернет, а потом попытается сильно пнуть по голове несколько раз.

Мышцы напряглись, кожа сделалась влажной. Возможно, это будет ее единственный шанс.

От долгого сидения тело начало деревенеть, а ощущения притупляться. Отойдя в противоположный угол, Мерета присела на корточки и справила нужду. Надо запомнить, каким углом она для этого воспользовалась. Один угол для туалета. Другой – чтобы сидеть, поджидая, под дверью. Третий – чтобы спать.

Замкнутое пространство наполнил сильный запах мочи. Однако за все время, что она тут пробыла, ей не давали пить, в последний раз она пила в кафетерии, а с тех пор уже миновало много-много часов. Конечно, она могла провести без сознания всего лишь два-три часа, но, возможно, это были сутки и больше. Мерета не имела понятия, сколько времени прошло. Правда, голода она не чувствовала, только жажду.

Она встала, натянула брюки и попыталась вспомнить.

Они с Уффе были последними, кто поднялся к туалетам. Точно так же они последними покинули прогулочную палубу. Когда они проходили мимо панорамного окна, стоявших там раньше мужчин уже не было. Мерета помнила, как, уходя, кивнула официантке, вышедшей из кафетерия, и как двое детей подбежали к кнопке, открывавшей дверь на нижнюю палубу. Вот и все. Она не заметила, чтобы кто-то к ней приближался. Она только подумала: хорошо бы Уффе не задерживался долго в туалете.

О господи! Уффе! Что с ним случилось? Он так огорчился после того, как ударил ее. И так переживал, что пропала его бейсбольная шапочка. Когда он направлялся в туалет, у него все еще горели щеки. Как-то он там сейчас?

Над головой послышался щелчок, и она вздрогнула. Затем ощупью направились в тот угол, где находилась округлая дверь. Надо быть наготове, если кто-то войдет. Тут раздался еще один щелчок, и сердце заколотилось так, что казалось, вот-вот разорвется. Только когда наверху заработал вентилятор, нагнетающий воздух, она поняла, что можно расслабиться: щелкало какое-то реле или что-то подобное.

Она потянулась к теплоте потока живительного воздуха. Чем еще она могла здесь утешиться?

Так она и стояла, пока аппарат не прекратил работать. Когда ветерок утих, ей показалось, что только он и связывал ее с внешним миром. Крепко зажмурившись, она попыталась сдерживать слезы и думать.

Но и мысли не радовали. А что, если ее бросили здесь на веки вечные, заточили, чтобы она тут умерла? И никто не знает, где она находится, – ведь этого она и сама не знает. Это может быть где угодно. В нескольких часах езды от пристани. В Дании или в Германии, а то и гораздо дальше.

Ее убьют голод и жажда. Она представила себе, как будет медленно умирать, как жизненные функции организма будут отключаться одна за другой. Придет сперва апатия, потом сон, а потом и смерть, которая наконец прекратит ее мучения.

«Немногие будут по мне печалиться», – подумала она. Разве что Уффе. Он-то будет горевать. Бедный, бедный Уффе! Но ведь она не подпускала к себе никого, кроме брата, всех остальных держала на расстоянии и сама замкнулась в своем узком мирке.

Напрягая все силы, Мерета старалась удержаться от слез, но ничего не получилось. Неужели жизнь припасла ей только вот это? Неужели это конец? Не дождавшись ни детей, ни счастья, не успев осуществить ничего из того, о чем мечтала все годы своего одиночества с Уффе? Не исполнив как следует того, что считала своим долгом со дня гибели родителей?

Ее охватила горькая тоска и чувство бесконечного одиночества. Она плакала навзрыд, пока не устала.

В темноте и одиночестве она думала об Уффе, который остался один в целом свете. В ее сознании это было самым ужасным, что могло случиться, и мысли об этом так захватили ее, что на какое-то время не оставили места ни для чего другого. Она умрет здесь одна, как бессловесная тварь, никто даже не узнает ничего. Уффе и все остальные будут жить в неведении. А выплавав все слезы, она вдруг поняла, что это, возможно, еще не все. Ее участь может оказаться гораздо страшнее. Что, если ей суждено погибнуть в мучениях? Вдруг судьба уготовила ей что-то столь ужасное, что даже смерть покажется избавлением, а сначала будет ужасная боль и зверские издевательства? Такое тоже бывало. Глумление, насилие и пытки. Возможно, сейчас за ней наблюдают чьи-то глаза. Камеры с инфракрасными сенсорами, следящие из окна. Злорадный взгляд. Подслушивающие уши.

Она обернулась в сторону окна и попыталась придать лицу спокойное выражение.

– Пожалуйста, сжальтесь надо мной, – беззвучно прошептала она в темноте.

15

2007 год

Считается, что «Пежо-607» – один из самых бесшумных автомобилей. Однако лихорадочные усилия Асада припарковать машину под окном спальни Карла полностью опровергли это мнение.

– Убойно! – пробормотал Йеспер, наблюдая за процессом из окна.

Карл даже не мог припомнить случая, чтобы пасынок когда-либо произносил такое длинное слово в столь ранний час. Однако он, черт возьми, попал в самую точку.

– Я положил тебе записку от Вигги, – было последнее, что сказал ему Мортен, когда Карл уже выходил из дома.

Не будет он читать никаких записок от Вигги! Перспектива получить приглашение на осмотр галереи, скорее всего в обществе узкобедрого мазилки по имени Хугин, ничуть его не привлекала.

– Привет! – воскликнул Асад, высунувшись из водительской дверцы.

На голове его была верблюжья шапка непонятного происхождения, да и общий вид совершенно не подходил для личного шофера работника уголовной полиции, если только существует такая должность. Карл взглянул на небо. Оно было ясное и голубое, а температура воздуха вполне сносная.

– Так я совершенно точно знаю, где находится «Эгелю», – заявил Асад, указывая на GPS-навигатор, когда Карл уселся на пассажирское сиденье.

Карл устало посмотрел на картинку дисплея. Крестик стоял на дороге, расположенной именно на таком подходящем расстоянии от Роскильде-фьорда, чтобы обитатели заведения не могли ненароком упасть в воду, зато взору заведующего, стоило ему только оторваться от бумаг, открывались все красоты Северной Ютландии. Заведения для душевнобольных часто устраивают в подобных местах – бог весть ради кого.

Асад тронулся и, выехав задом наперед из Магнолиеванген, остановился на Рённехольт-парквей лишь тогда, когда багажник машины очутился на лужайке по ту сторону дороги. Не успел ошарашенный Карл опомниться, как Асад, переключив рычаг, устремился вперед на скорости девяносто километров в час по дороге, по которой разрешалось ехать не больше пятидесяти.

– Стой, чтоб тебя! – завопил Карл перед самым подъемом на круговой перекресток. Но Асад только глянул лукаво, как бейрутский шофер такси, резко вывернул руль вправо, и вот уже они выехали на дорогу, ведущую к шоссе.

– Быстрая машина! – крикнул Асад Карлу и рванул вверх по пандусу.

У Карла возникло желание надвинуть шапку на эту радостную физиономию – уж это поубавило бы его пыл.

Заведение под названием «Эгелю» помещалось в здании с белеными стенами, превосходно подходившем своему назначению. Никто не попадал в него по доброй воле, и выйти оттуда было не так-то просто. Сразу становилось ясно, что здесь не пишут картины и не играют на гитаре. Сюда уважаемые люди с деньгами помещали слабых на голову представителей своего семейства.

Обеспечение из частных средств – вполне в духе правительства.

Кабинет заведующего соответствовал общему впечатлению, а сам заведующий – неулыбчивый, сухопарый и угрюмый субъект – был словно спроектирован тем же архитектором под стать общему замыслу.

– Содержание Уффе Лjungтора оплачивается из доходов Лjungторовского фонда, – ответил он на заданный Карлом вопрос.

Карл взглянул на полку в кабинете. Там стояло довольно много папок, на которых тоже значилось что-то со словом «фонд».

– Понятно. И как же был основан этот фонд?

– Туда вложено наследство от родителей, погибших в той автомобильной катастрофе, которая сделала Уффе Лjungгора инвалидом. И разумеется, также наследство после сестры.

– Она была депутатом фолькетинга – так что вряд ли в ее случае речь может идти об очень больших средствах?

– Нет, конечно. Но недавно было вынесено судебное решение о признании ее умершей, и выручка от продажи дома составила два миллиона. Слава богу, обошлось без лишних проволочек. Сейчас фонд располагает суммой в двадцать два миллиона, как вам, вероятно, уже известно.

Карл слегка присвистнул – этого он не знал.

– Двадцать два миллиона при пяти процентах годового дохода? Уж этого наверняка хватает на оплату пребывания здесь Уффе Лjungгора.

– Да, более или менее, если вычесть налог.

Карл искоса посмотрел на собеседника:

– И Уффе, если я правильно информирован, ни разу за все время пребывания здесь ничего не сказал по поводу исчезновения сестры?

– Нет. Насколько мне известно, с момента автокатастрофы он вообще ни разу не произнес ни слова.

– Делается ли что-нибудь, чтобы разговорить его?

Тут заведующий снял очки и посмотрел на собеседника из-под кустистых бровей, воздев сей символ серьезности ввысь:

– Лjungгор был всесторонне обследован. У него остались рубцы от мозгового кровоизлияния в области речевого центра, что само по себе служит достаточным объяснением его немоты, но кроме того, пережитая авария нанесла ему глубокие психические травмы. Он тогда сильно пострадал. Вы об этом, наверное, знаете?

– Да, я читал отчет.

Конечно, это было не по правилам, но отчет прочитал Асад и во время пути по ютландским дорогам успел весьма подробно изложить его содержание.

– Пять месяцев пострадавший пролежал в больнице, у него были тяжелые кровоизлияния в печени, селезенке и легочной ткани, а также нарушения зрения.

Заведующий слегка кивнул:

– Все верно. В медицинской карточке записано, что зрение вернулось к Уффе Лjungгору только спустя несколько недель. У него были тяжелые кровоизлияния в сетчатке глаз.

– А как теперь? Все ли наладилось в физиологическом плане?

– Судя по всему, да. Он очень крепкий молодой человек.

– Сейчас ему тридцать четыре. Следовательно, в таком состоянии он пребывает уже двадцать один год.

Бледный доктор снова кивнул:

– Таким образом, вы же понимаете, что ничего от него не добьетесь.

– И вы не разрешаете мне с ним увидеться?

– В этом нет никакого смысла.

– Он последний, кто видел Мерету Лjungгор живой. Я бы очень хотел с ним пообщаться. Заведующий поднялся из-за стола и, как и предвидел Карл, повернулся лицом к фьорду:

– Я думаю, что вам это не следует делать.

Ну и субчик! Кажется, так бы взял и прихлопнул!

– Вы считаете, что можете не допустить меня к нему, но я должен сказать вам, что вы не правы.

– Это почему же?

– Вам известно, как устроены полицейские?

Заведующий обернулся к Карлу. Лицо у него было землисто-бледным, лоб нахмурен. Многолетнее сидение за письменным столом изнурило его силы, но голова осталась ясной. Он не понял, что посетитель хотел сказать, но сообразил, что молчание вряд ли пойдет на пользу.

– На что вы намекаете?

– Мы, полицейские, люди любознательные. Бывает, что какой-то вопрос, запавший в голову, внушает нам жгучее любопытство. Всего-то и надо, что получить на него ответ. В данном случае он лежит на поверхности.

– И что же это такое?

– Сколько денег идет на содержание ваших пациентов? Пять процентов от двадцати двух миллионов – разумеется, за вычетом налога, – это же, так сказать, пустячок. Получают ли пациенты за эти средства все, что следует, или цена оказывается завышенной, если учесть государственную дотацию? И для всех ли установлена одинаковая плата?

Карл покивал сам себе и продолжил, якобы упиваясь светом над фьордом:

– Если ты не получаешь ответа на вопросы, с которыми пришел, за одним вопросом возникают все новые. Таковы уж мы, полицейские. Как прицепимся, так уже не отстанем. Возможно, это такая болезнь, но к кому обратиться, чтобы вылечиться?

Кажется, на лице заведующего проступила тень румянца.

– По-моему, недоразумение между нами только усугубляется.

– Тогда дайте мне повидаться с Уффе Лjungгором. Если уж на то пошло – что в этом такого ужасного? Вы же, черт возьми, не держите его в клетке. Или как?

Фотографии, хранившиеся в деле Мереты Лjungгор, не давали полного представления о ее брате Уффе. По полицейским зарисовкам, сделанным во время предварительного допроса, и несколькими снимками из прессы он производил впечатление очень подавленного юноши. Бледный молодой человек, именно такого вида, какого и следовало ожидать, зная его проблемы: задержка эмоционального развития, пассивность и умственная отсталость. Однако в действительности все оказалось иначе.

Он сидел в уютной комнате с картинами на стенах, а вид за окном ничуть не уступал тому, которым можно было любоваться из кабинета заведующего. Аккуратно застланная кровать, начищенные ботинки, чистая одежда и никакого признака казенщины. Да и сам Уффе Лjungгор вовсе не походил на убогого дурачка: мускулистые руки, длинные светлые волосы, широкие плечи и, по-видимому, довольно высокий рост. Многие даже называли бы его красивым.

Заведующий и старшая сестра с порога наблюдали, как Карл ходит по комнате, но никто не смел останавливать его и делать замечания. В скором времени он еще вернется сюда, несмотря ни на что. Вернется более подготовленным и тогда уж поговорит с Уффе. Пока что с этим можно подождать. Сейчас стоило сосредоточиться на изучении некоторых предметов обстановки. Вот на стене улыбается с портрета сестра. Родители, обнявшись, глядят на фотографа. Рисунки на стенах, совершенно непохожие на ребяческие каракули, которые обычно можно встретить в таких помещениях. Радостные рисунки, без напоминаний о пережитом ужасе, лишившем его дара речи.

– Есть еще рисунки? В каком-нибудь ящике? – спросил Карл, указывая на шкаф и комод.

– Нет, – ответила сестра. – С тех пор как Уффе положили к нам, он ничего не рисовал. Эти он привез с собой из дома.

– Чем Уффе занимается в течение дня?

– У него много занятий. – Женщина улыбнулась. – Ходит на прогулки с персоналом, бегают в парке. Смотрит телевизор. Это он очень любит.

Старшая сестра производила впечатление благодушной женщины. Значит, через нее и надо действовать в следующий раз.

- И что же он смотрит?
- Что попадется.
- Он как-нибудь на это реагирует?
- Иногда. Бывает, смеется. – Она весело тряхнула головой и улыбнулась еще шире.
- Смеется?
- Да, как младенец. Непроизвольно.

Карл посмотрел на заведующего, застывшего с ледяным выражением на лице, а затем на Уффе. Взглядом тот следил за Карлом с момента его появления. Такое чувствуешь кожей. Кажется, он наблюдает за вошедшим, но, если присмотреться внимательно, становилось понятно, что он делает это произвольно. Взгляд Уффе не был безжизненным, однако увиденное не проникало в глубь его сознания. Карлу захотелось напугать его и посмотреть, как он тогда себя поведет, но с этим пока тоже можно подождать.

Встав у окна, Карл попробовал поймать рассеянный взгляд Уффе. Эти глаза воспринимали окружающее, но явно не осмысливали его. За этим взглядом что-то было, но в то же время как бы ничего и не было.

– Передвинься-ка на другую сторону, – сказал Карл своему помощнику, который ждал его, сидя за рулем.

– На другую сторону? Ты не хочешь, чтобы я вел машину?

– Мне бы хотелось, чтобы она какое-то время еще поехала. У нее есть АБС и серворуль, и я был бы рад, если бы они уцелели.

– И что значит то, что ты сейчас сказал?

– Ты должен сидеть и внимательно следить за тем, чего я хочу от тебя, когда ты ведешь машину. На тот случай, если я еще когда-нибудь соглашусь пустить тебя за руль.

Карл набрал на GPS-навигаторе следующее место назначения и, не обращая внимания на поток арабских слов, вырвавшихся из уст Асада, залез на водительское сиденье.

– Ты когда-нибудь водил машину в Дании? – спросил он через некоторое время уже на пути к Стенсу.

В ответ последовало красноречивое молчание.

Нужный дом в Маглебю обнаружился на боковой дороге совсем на окраине, дальше начинались поля. Он оказался не крестьянским домишком и не одной из реставрированных господских усадеб, а добротным кирпичным зданием, построенным в те времена, когда фасад дома еще отражал его душу. Вокруг росли высокие тисы, но крыша горделиво возвышалась над ними. Если этот дом был продан всего за два миллиона, то кому-то крупно повезло на выгодную покупку, а кто-то остался внакладе.

На медной табличке значилось: «Антикварная торговля», а ниже: «Петер и Эрлинг Мёллер-Хансен». Однако тот из владельцев, который отворил дверь, скорее уж походил на Росенстьерта¹⁴ – тонкокожий, голубоглазый, щедро умашенный ароматными кремами.

Он оказался гостеприимным хозяином и охотно отвечал на вопросы. Любезно приняв из рук Асада шапку, он впустил посетителей в прихожую, наполненную ампирной мебелью и всяческими безделушками.

Нет, с Меретой Лjungгор и ее братом они не были знакомы. То есть не состояли в личном знакомстве, хотя большая часть вещей продавалась вместе с домом. Впрочем, они не представляли никакой ценности.

Он угостил посетителей зеленым чаем в чашечках тончайшего фарфора и присел на краешек дивана, наискосок поставив ноги со сдвинутыми коленками, полный готовности по мере сил выполнить свои обязанности перед общественностью.

¹⁴ *Росенстьерт* – популярный кукольный персонаж, изящный старинный кавалер в пудреном парике и с кружевным жабо.

– Такой ужас, утонуть, как она! Я думаю, это страшная смерть. Мой муж однажды чуть было не утонул в водопаде в Югославии, и для меня это было жуткое переживание, могу вам сказать.

Карл заметил недоумение, отразившееся на лице Асада, когда хозяин произнес «мой муж», но ему достаточно было бросить на помощника выразительный взгляд, чтобы тот сдержался. Асад, очевидно, еще многого не знал о том, какие разнообразные формы брачных отношений существуют в датском обществе.

– Полиция собрала документы сестры и брата Люнггор, – сказал Карл. – Но может быть, вам потом еще довелось обнаружить какие-нибудь дневники, письма, или, там, факсы, или даже просто телефонные сообщения, которые, на ваш взгляд, могли бы пролить новый свет на это дело?

Хозяин помотал головой:

– Ничего не осталось. Была только мебель, – он обвел рукой комнату, – так, ничего особенного. И в ящиках тоже ничего интересного, кроме канцелярских принадлежностей и парочки сувениров. Альбомы с открытками, несколько фотографий и тому подобное. Мне кажется, как люди они ничем не выделялись.

– Ну а соседи? Они знали Люнггоров?

– Да что вы! Мы очень мало общаемся с соседями. Впрочем, они тут недавно живут. Вроде бы вернулись из-за границы. Нет, знаете ли, по-моему, Люнггоры ни с кем в городе не поддерживали знакомство. Многие вообще не знали, что у нее есть брат.

– Значит, среди местных жителей вам не приходилось сталкиваться ни с кем, кто бы их знал?

– Нет, почему же! Хелле Андерсен. Она присматривала за братом.

– Это домработница, – вставил Асад. – Полиция допрашивала ее, но она ничего не знала. Но было одно письмо – Мерете Люнггор. За день до того, как она утонула. Приняла письмо домработница.

Карл поднял брови. Надо будет самому как-нибудь хорошенько прочитать дело.

– Полиция нашла это письмо?

Асад помотал головой.

Карл повернулся к хозяину дома:

– Эта Хелле Андерсен живет в городе?

– Нет. В Хольтуге за Гьёрслевым. Но она будет здесь через десять минут.

– Здесь у вас?

– Да. Мой муж болеет. – Хозяин опустил глаза в пол. – Он очень болен. Она придет помогать.

«Везет дуракам!» – подумал Карл и попросил хозяина показать ему дом.

Экскурсия по этому зданию была путешествием в мир изысканной мебели и живописных полотен в массивных золотых рамах, осевших здесь как следствие хозяйской профессии. Что до остального, то кухня была новенькой, все стены заново покрашены, полы отциклеваны. Если в доме и сохранилось что-то от времен Мереты Люнггор, то разве что серебряные амурчики, целившиеся из лука, на темном полу ванной комнаты.

– Уффе! Ой, он был такой славный!

Хелле Андерсен отличали грубые черты лица, траурные круги под глазами и пухлые красные щеки. Все остальные части ее тела скрывались под голубым халатом такого необыкновенного размера, какой вряд ли сыщется в магазине готового платья.

– Это же просто глупость – подумать, будто он способен что-то сделать сестре! Я и полиции так сказала. Что они в этом полностью ошибаются.

– Но были свидетели, которые видели, как он ударил сестру, – напомнил Карл.

– Ну и что! Иногда, бывало, на него находило. Это ничего не значит.

– Он ведь рослый и сильный. Может быть, он нечаянно столкнул ее в воду.

Хелле Андерсен закатила глаза:

– Да ни в коем случае! Уффе был сама доброта. Иногда он мог сорваться, так что и тебя иной раз доведет, но такое случалось не часто.

– Вы готовили ему еду?

– Да я все делала, что придется. Так, чтобы успеть к приходу Мереты.

– А с ней вы встречались не часто?

– Иногда встречалась.

– Но в последние дни перед тем, как она погибла, вы не виделись?

– Виделись как-то. Однажды я вечером присматривала за Уффе. А тут он сорвался – как раз такой случай, как я говорила. И я тогда позвонила Мерете, чтобы она возвращалась, ну она и вернулась, слава богу, а то тяжелый выдался день.

– Случилось что-нибудь из ряда вон выходящее?

– Только то, что Мерета не вернулась к шести, как обычно, а Уффе этого не переносит.

Он же не понимал, что мы так заранее договорились.

– Она ведь была депутатом фолькетинга и, наверное, часто задерживалась?

– Ну что вы! Только изредка, когда бывала в отъезде. Да и то разве на сутки или двое.

– То есть она в тот день находилась в отъезде?

Тут Асад затряс головой. До чего же это, черт возьми, раздражает: все-то он, видите ли, знает!

– Нет, она тогда ходила в ресторан.

– Вот как! И с кем же, ты не знаешь?

– Нет. Никто не знает.

– А в отчете есть что-то об этом?

Асад кивнул:

– Сёс Норуп, новая секретарша, видела, как она записывала название ресторана в свой еженедельник. И кто-то из персонала запомнил, что видел ее там. Только не запомнил с кем.

«Похоже, в отчете есть много такого, что срочно нужно проработать!» – подумал Карл.

– Асад! А как назывался ресторан?

– Я помню, он назывался «Банкрот». Это может быть так?

Карл повернулся к домработнице:

– Она пошла туда на свидание? У нее был поклонник?

Женщина заулыбалась, на одной щеке у нее появилась глубокая ямочка:

– Очень даже возможно. Только она об этом ничего не рассказывала.

– А вернувшись домой, она ничего не говорила? Я имею в виду – после вашего звонка.

– Не-е. Я ушла. Уффе тогда так развоевался.

Из-за двери послышалось позвякивание, и в комнату вошел теперешний хозяин с таким торжественным видом, словно на чайном подносе, который он держал на вытянутых пальцах, лежали все чудеса гастрономического искусства.

– Домашнее, – произнес он, ставя перед гостями крошечные, похожие на пудинг печенюшки в серебряных формочках.

Всплыли воспоминания детства. Не так чтобы приятные, но все же воспоминания.

Хозяин раздал гостям угощение, а Асад незамедлительно доказал, что оценил его по достоинству.

– Хелле, в отчете сказано, что за день до исчезновения Мереты при вас принесли письмо. Не могли бы вы рассказать, как оно выглядело?

Наверняка и это уже записано в отчете, но не помешает, если она повторит свои показания.

– Это был желтый конверт – такой толстый, прямо как из пергамента.

– Какой он был величины?

Она показала руками – получалось, что формата А4.

– На нем было что-то написано? Может быть, штемпель или фамилия?

– Нет, ничего не было.

– А кто его принес? Вы знали этого человека?

– Вовсе даже нет. В дверь позвонили, я открыла. Там стоял человек, он мне его передал.

– Немного странно, правда? Обыкновенно письма доставляются почтой.

Она по-свойски дала ему легкого тычка:

– А как же без почтальона! Только это было уже попозже. Кажется, тогда передавали «Радиогазету».

– В двенадцать?

Она кивнула:

– Он дал мне письмо и ушел.

– И ничего не сказал?

– А как же! Сказал, что оно для Мереты Лjungгор, и все.

– Почему он не бросил письмо в почтовый ящик?

– Наверное, это было что-то спешное. Видать, он хотел, чтобы она прочитала его сразу, как только придет домой.

– Пусть так. Но ведь Мерета Лjungгор-то, наверное, знала, кто его принес. Что она об этом сказала?

– Чего не знаю, того не знаю. К ее приходу я уже ушла.

Тут Асад снова кивнул. Значит, и это было записано в отчете.

Карл кинул ему самый свой профессиональный взгляд, который говорил: «По процедуре полагается повторять такие вопросы несколько раз». И пускай Асад пережевывает!

– А я и не знал, что Уффе можно было оставлять одного, – подкинул он новый вопрос.

– Можно, можно, – ответила она радостно. – Нельзя только поздно вечером.

И тут наконец настал момент, когда Карл затосковал по своему креслу за столом в подвале. Много лет ему приходилось вытягивать из людей разные сведения, и у него уже руки устали от этой работы. Еще несколько вопросов, и пора сматываться. Дело Мереты Лjungгор, похоже, изначально было дохлым висяком. Ну, вывалилась она за борт. Что ж, бывает.

– И ведь чуть не опоздала. Хорошо, что я положила письмо ей на стол, – сказала вдруг женщина.

Карл заметил, как она на мгновение отвела глаза – не чтобы посмотреть на печеньюшки, а именно отвела в сторону.

– Что вы хотите сказать?

– Ну, на другой-то день она уже умерла, так ведь?

– Вы же сейчас не это подумали, верно?

– Это.

Асад положил печенье обратно на стол. Значит, он, как ни странно, тоже отметил ее смущение.

– Вы подумали о чем-то другом, я это по глазам вижу. Что вы имели в виду, когда сказали «чуть не опоздала»?

– То, что сказала: что на следующий день она умерла.

Карл поднял глаза на гордого своим кулинарным искусством хозяина:

– Можно мне переговорить с Хелле Андерсен наедине?

Хозяина не обрадовала эта просьба, как и домработницу. Она старательно разглаживала складки своего халата, но сделанного уже было не поправить.

– Так скажите же мне, Хелле, – начал Карл, наклонившись в ее сторону, когда антиквар семенящей походкой удалился из комнаты. – Если вам известно что-то такое, что вы скрывали, то сейчас самое время об этом сказать. Вы меня слышите?

– Ничего я больше не знаю.

– У вас есть дети?

Уголки ее губ опустились. Какое это имеет отношение к делу?

– Ну ладно. Вы открывали письмо, да?

Она испуганно вскинула голову:

– Ничего я не открывала!

– Хелле Андерсен, это уже называется лжесвидетельством. Вам надолго придется расстаться с детьми.

Для медлительной деревенской женщины ее реакция последовала неожиданно быстро. Руки вскинулись и зажали рот, ступни спрятались под диван, живот вжался – она резко отгородила свою территорию от опасного зверя из полиции.

– Я не открывала его! – вырвалось у нее. – Я только посмотрела на свет.

– Что в нем было написано?

Ее брови почти вплотную сошлись над переносицей:

– Господи! «Удачной поездки в Берлин» – только и всего.

– Вы знаете, зачем она собиралась в Берлин?

– Просто съездить для развлечения с Уффе. Они и раньше несколько раз туда ездили.

– Почему это было так уж важно – пожелать ей удачной поездки?

– Не знаю.

– Кто мог знать об этой поездке, Хелле? Мерета ведь жила очень замкнуто с Уффе, насколько мне известно.

Хелле пожала плечами:

– Может, кто-то оттуда, из Кристиансборга. Почему мне знать!

– Разве не проще было бы тогда написать по электронной почте?

– Ну не знаю я ничего!

По женщине было видно, что она запугана. Возможно, врет. Или просто легко приходит в волнение.

– Наверное, это было от коммуны, – попыталась она увильнуть.

Итак, этот след оборвался.

– Там было написано: «Удачной поездки в Берлин». А еще что?

– Больше ничего. Только это, честно!

– И не было подписи?

– Не было. Только это.

– Ну а тот, кто его принес? Как он выглядел?

Она прикрыла лицо руками.

– Пальто шикарное, а так ничего, – послышалось из-под ладоней.

– И больше вы ничего не разглядели? Так не пойдет!

– Ну ладно. Так вот: он был выше меня ростом, хотя стоял на ступеньку ниже. Еще на нем был шарф зеленого цвета. Рот не был закрыт, но подбородок почти полностью. Дождь шел – поэтому, наверное. Еще он был немного простужен – по крайней мере, если судить по голосу.

– Он чихал?

– Нет. Только голос был простуженный. С гнусавинкой.

– А глаза? Голубые или карие?

– Вроде бы голубые. Наверное. А может быть, серые. Я бы признала его, если бы встретила.

– Сколько ему было лет?

– Вроде как моего возраста.

Будто это могло что-то прояснить!

– И сколько же вам лет?

Хелле бросила на него почти негодующий взгляд.

– Только что исполнилось тридцать пять, – ответила она и потупилась.

– А на какой машине он приехал?

– Ни на какой, насколько я видела. Перед домом машин никаких не было.

– Не пришел же он к вам пешком?

– Нет. Я тоже так подумала.

– Но вы не посмотрели, куда он отправился?

– Нет. Ну надо же было накормить Уффе. Он у меня всегда что-нибудь ел, пока я смотрела по телевизору новости.

По дороге в машине они разговаривали о письме. Асаду о нем больше ничего не было известно: на этой стадии полицейское расследование остановилось.

– Но чем, черт возьми, объясняется такое безразличие к сообщению, передать которое было для кого-то так важно? В чем был его смысл? Еще понятно, если бы это было письмо от подружки, пахнущее духами в конвертике с цветочками. Но тут, когда перед тобой анонимный конверт и никакой подписи?

– Мне кажется, что эта Хелле мало что знает, – продолжал Асад, когда они свернули на дорогу, ведущую в Бьелькеруп, где находился местный отдел здравоохранения Стевнса.

Подъезжая к нужным зданиям, Карл подумал, что для этого посещения неплохо было бы иметь в кармане постановление суда.

– Подожди меня в машине, – сказал он Асаду, на чьем лице отразилось разочарование.

Спрашивая у встречных дорогу, Карл скоро нашел кабинет заведующего.

– Да, – ответила хозяйка кабинета, после того как он предъявил полицейский жетон. – Он состоял у нас на домашнем обслуживании. Но в данный момент у нас некоторые трудности с архивом, где хранятся старые дела. Вы же знаете – коммунальная реформа.

Итак, она не в курсе дела. Значит, нужно найти кого-то другого. Кто-то же должен знать про Уффе Лjungгора и его сестру. Каждая крупинка информации была сейчас на вес золота. Вдруг они много раз навещали его на дому и заметили что-нибудь такое, что помогло бы продвинуться в расследовании?

– Мог бы я поговорить с лицом, на которое в свое время была возложена обязанность посещать больного?

– К сожалению, она ушла на пенсию.

– Можно узнать ее имя?

– Извините, нет. Только мы, служащие ратуши, можем давать информацию по старым делам.

– Неужели никому из служащих ничего не известно об Уффе Лjungгоре?

– Разумеется, есть те, кто знает. Но мы не имеем права выдавать информацию.

– Мне прекрасно известно, что вы обязаны хранить тайну, и я знаю, что Уффе Лjungгор не признан недееспособным. Но я не для того пустился в такую дальнюю дорогу, чтобы уехать отсюда ни с чем. Вы позволите мне посмотреть его медицинскую карточку?

– Вы прекрасно знаете, что это невозможно. Если хотите, можете побеседовать с нашим юристом. Кроме того, папки с делами в данный момент недоступны. Уффе Лjungгор в настоящее время не проживает в нашей коммуне.

– Так, значит, его личное дело передано во Фредериксунн?

– Об этом я не имею права давать информацию.

Ну и начальница! Прямо не подступись!

Выйдя из кабинета, Карл постоял немного в коридоре и огляделся по сторонам.

– Извините, пожалуйста! – обратился он к идущей в его сторону женщине, которая показала ему достаточно усталой для того, чтобы слишком артачиться. Снова достав полицейский жетон, он представился и спросил: – Не могли бы вы помочь? Мне нужно имя социального работника, который посещал на дому пациентов в Маглебю.

– Спросите там, – ответила женщина, указывая на кабинет, из которого он только что вышел.

Значит, потребуется решение суда. Придется звонить по телефону, ждать ответа, потом снова звонить. Даже думать об этом не хочется.

– Я припомню вам этот ответ, когда потребуется моя помощь, – сказал он и раскланялся.

Последнее место, куда он собирался заехать по пути, была клиника спинномозговых повреждений в Хорнбэке.

– Асад, я собираюсь ехать дальше на машине. Ты можешь вернуться домой поездом? Я высажу тебя в Кёге, а оттуда ты без пересадок доедешь до Центрального вокзала.

Асад кивнул, но взгляд его был безрадостным. Карл подумал, что не знает, где он живет. Надо будет как-нибудь спросить.

Посмотрев на своего оригинального напарника, Карл сказал:

– Завтра, Асад, мы возьмемся за другое дело, это – изначально дохлый номер.

Но даже такая перспектива не вызвала блеска в глазах Асада.

В клинике оказалось, что Харди перевели в другую палату. Вид у него был неважный: кожа истончилась, а в глубине голубых глаз затаился мрак.

Карл дотронулся до плеча Харди:

– Я подумал о том, что ты сказал в прошлый раз. Но это невозможно. Мне очень жаль, но я просто не могу, понимаешь?

Харди ничего не ответил. Разумеется, он понял все слова, но в то же время не понимал Карла.

– Слушай, может быть, ты согласишься помогать мне с моими делами? Я введу тебя в курс, и ты над ними подумаешь. Мне очень нужна дополнительная энергия, понимаешь, Харди? Меня все это как-то совершенно перестало волновать, но вместе с тобой мы хотя бы найдем, над чем посмеяться.

– Ты собираешься меня посмешить? – спросил Харди и отвернулся к стенке.

Одним словом – поганый выдался день.

16

2002 год

В темноте пропадало чувство времени, а вместе с чувством времени – привычные физические ритмы. День и ночь сливались воедино, как сиамские близнецы. На протяжении дня у Мереты осталась только одна точка отсчета, а именно – щелчок за герметичной дверью с округлыми краями.

В первый раз, когда послышался искаженный динамиками голос, это стало для нее таким шоком, что, даже ложась спать, она все еще продолжала дрожать.

Но она понимала, что, если бы не этот голос, она умерла бы от голода и жажды. Вопрос был лишь в том, не лучше ли было бы умереть.

Она уже заметила, что чувство жажды и сухости во рту начало проходить. Заметила, что усталость подавляла ощущение голода. Страх сменился тоской, а тоска – ясным осознанием приближающейся смерти. Поэтому она спокойно лежала, дожидаясь, когда тело прекратит борьбу, и тут вдруг загремел голос, который показал ей, что она не одна и должна покориться чужой воле.

– Мерета, – без предупреждения произнес женский голос. – Сейчас мы передадим тебе пластиковый контейнер. Скоро ты услышишь щелчок, в углу напротив откроется шлюз. Мы видели, что ты его уже обнаружила.

Наверное, Мерета ожидала, что сейчас зажжется свет, потому что крепко зажмурилась, пытаясь справиться с волной внезапного испуга, который поразил ее, как удар молнии, доказавшись до каждого нервного окончания. Но свет не зажегся.

– Ты слышишь меня? – гаркнул голос.

Она кивнула и тяжело перевела дыхание. Только сейчас она заметила, как продрогла.

– Отвечай!

– Да, я слышу. Кто вы? – спросила она, вглядываясь в темноту.

– Как только услышишь щелчок, подойди к шлюзу. Не пытайся в него пролезть, из этого ничего не получится. Когда заберешь первый контейнер, за ним придет второй. Один с бачком, чтобы справлять в него нужду, второй с водой и пищей. Каждый день мы будем открывать шлюз и заменять старые бачки на новые. Ты поняла?

– Что все это значит? – спросила она и прислушалась к гулкому эху своего голоса. – Меня похитили? Вы хотите получить деньги?

– Вот первый контейнер.

В углу загремело, и послышалось негромкое шипение. Мерета поплелась на звук и обнаружила, что в самом низу утопленной в стене овальной двери открылась щель, в которую пролез бачок величиной с корзину для бумаг. Когда она приняла его и поставила на пол, шлюз закрылся, а через десять секунд вновь открылся, на этот раз с чуть более высоким бачком, который, вероятно, был биотуалетом.

Сердце бешено заколотилось. Если бачки были поданы так быстро один за другим, значит с той стороны двери кто-то стоял у шлюза. Там стоял человек, совсем близко!

– Не будете ли вы так добры сказать мне, где я нахожусь? – Мерета подползла на коленях и села так, чтобы находиться в точности под тем местом, где, как ей казалось, должен быть громкоговоритель. – Сколько времени я тут сижу? – Затем, чуть повысив голос, спросила: – Что вам от меня нужно?

– В контейнере с едой лежит туалетная бумага. Новый рулон тебе будут давать раз в неделю. Для умывания пользуйся водой из канистры, которая находится в туалетном контейнере. Не забудь сразу вынуть оттуда канистру. В помещении нет стока для воды, так что мыться старайся над ведром.

Она стиснула зубы, так что даже мышцы шеи напряглись. Остатки негодования боролись со слезами, губы задрожали, из носа потекло.

– Что же мне, так и сидеть тут в темноте... все время? – сквозь слезы проговорила она. – Неужели вы не можете включить свет? Хотя бы на минутку. Пожалуйста!

Тут снова раздался щелчок, шипение воздуха – шлюз закрылся.

В последующие много-много дней она не слышала ничего, кроме шипения вентилятора, раз в неделю обновлявшего воздух в помещении, и ежедневного постукивания открываемого и закрываемого шлюза. Иногда промежутки тянулись бесконечно долго, а иногда казалось, что она едва успела прилечь после еды, как уже поступала следующая партия контейнеров. Еда, однообразная и безвкусная, стала единственным светлым пятном в ее физическом существовании. Она состояла из картошки, небольшой порции разваренных овощей и крошечного кусочка мяса. Каждый день одно и то же – словно за непроницаемой стеной, в мире, где было светло, для нее ежедневно подогревался неиссякаемый котел с этим варевом.

Сначала она думала, что постепенно привыкнет к окружающей темноте и сквозь нее перед глазами начнут проступать отдельные детали помещения, однако ее ожидания не оправдались. Вокруг стояла непроницаемая тьма, в которой она чувствовала себя слепой. Одни лишь мысли могли озарить ее существование, но это было не так-то легко сделать.

Долгое время она по-настоящему боялась сойти с ума. Боялась, что однажды утратит контроль над собой. И она вызывала в воображении картины мира, населенного людьми и полного света. Она искала спасения в тех закоулках сознания, которые остаются невостребованными в обычной жизни, когда люди заняты своими делами. И понемногу к ней возвращались воспоминания. Какие-то мгновения, когда ее обнимали чьи-нибудь руки. Слова, полные ласки и утешения. Но также воспоминания о минутах одиночества, об утратах и неустанной работе.

Затем у нее выработался определенный ритм жизни, состоявшей из длительных периодов сна, еды, размышлений и бега на месте. Бег она продолжала до тех пор, пока от равномерного топота у нее не начинало болеть в ушах или пока она не валилась с ног от усталости.

Через четверо суток на пятые она получала свежее белье, а ношеное бросала в биотуалет. Отвратительна была мысль, что до него будут дотрагиваться чужие руки. Однако верхнюю одежду ей не меняли, поэтому она старалась обращаться с вещами бережно. Аккуратно садилась на ведро. Собираясь поспать, ложилась на пол с осторожностью. Тщательно расправляла примятые складки, когда меняла белье, и отмывала чистой водой те места, которые на ощупь казались засаленными. Мысленно она порадовалась, что в день похищения была одета так основательно: в пуховую куртку, платок, блузу с футболкой под ней, брюки и толстые носки. Но с течением дней брюки все больше обвисали, а подметки стоптались и стали тонкими.

«Надо будет бегать босиком», – подумала она и крикнула в темноту:

– Не могли бы вы сделать потеплее? Какую-нибудь ручку повернуть?

Но вентилятор под потолком с некоторых пор замолчал и давно уже не шумел.

Свет зажегся во время обмена ведер, на сто девятнадцатый раз. Взрыв белого солнца хлынул ей в глаза таким ослепительным потоком, что она отшатнулась, крепко зажмурив веки; брызнули слезы. Свет обрушился на ее сетчатку, как бомбовый удар, голова резко заболела. Мерета невольно опустила на колени и закрыла глаза руками.

Только спустя несколько часов она осмелилась осторожно взглянуть в щелку между пальцами. Свет по-прежнему был для нее чересчур ярким. Она не решалась широко открывать глаза из страха, что уже ослепла или ослепнет, если слишком поспешно посмотрит на свет. Так и сидела, пока женский голос из громкоговорителя не испугал ее снова, вызвав новый прилив боли. Она стала будто чувствительный прибор, который зашкаливает от малейшего звука. При каждом слове ее будто пронизывал удар тока. Слова были ужасны.

– С днем рождения тебя, Мерета Лjungгор! Поздравляю с тридцатидвухлетием! Да, сегодня шестое июля. Ты находишься здесь вот уже сто двадцать шесть дней, и нашим подарком к дню твоего рождения станет то, что мы теперь целый год не будем выключать у тебя свет.

– О господи! Нет, вы не можете так поступить со мной! – простонала она. – За что вы так со мной обращаетесь? – Она поднялась на ноги, не отводя рук от лица, и выкрикнула: – Если вы хотите замучить меня до смерти, то сделайте это прямо сейчас!

Женский голос был холодным как лед и показался ей немного тише обычного.

– Мерета, успокойся. Мы не собираемся тебя мучить. Напротив, мы хотим дать тебе шанс предотвратить дальнейшее ухудшение условий. Тебе нужно только самой ответить на вопрос: почему ты оказалась в таком положении? За что мы посадили тебя в клетку, как зверя? Найди ответ сама!

Мерета запрокинула голову. Это было так ужасно! Не лучше ли промолчать? Забиться в угол, и пускай они говорят что хотят.

– Найди ответ, Мерета, иначе ты сделаешь себе только хуже.

– Я не знаю, за что вы требуете ответа! Это связано с политикой? Или вы требуете из кого-то деньги? Я же не знаю! Скажите мне!

Голос, доносившийся сквозь слабое потрескивание, стал еще холоднее:

– Ты не справилась, Мерета. Поэтому будешь наказана. Наказание не слишком жестокое, ты вполне его вынесешь.

– Боже мой! Нельзя же так! – зарыдала Мерета, падая на колени.

И тут же услышала, как знакомое посвистывание воздушной струи сменилось шипением. Затем почувствовала поступающий в помещение теплый наружный воздух. Он нес с собой запахи хлебного поля, пашни и зеленой травы. Неужели это наказание?

– Мы закачиваем в твою камеру воздух, чтобы поднять давление до двух атмосфер. Посмотрим, сможешь ли ты дать ответ через год. Мы не знаем, какое давление может вынести человеческий организм, но увидим это со временем.

– Господи Боже мой! – прошептала Мерета, почувствовав давление в ушах. – Не допусти этого! Не допусти!

17

2007 год

Веселые голоса и звон бутылок, доносившиеся с парковки, заранее дали Карлу знать, что веселье в таунхаусе в самом разгаре.

Часть его соседей давно сбились в шайку фанатичных любителей гриля, считавших, что говядину необходимо держать над жаровней с коксом как можно дольше, чтобы уже невозможно было понять по вкусу, что это такое. Они собирались круглый год, при всякой возможности, и особенно любили устраивать свои сборища на террасе у Карла. Он ничего не имел против: они особо не дебоширили, а пустые бутылки всегда уносили с собой.

Неизменно ведавший жаровней Кенн в знак приветствия облапил Карла за плечи, кто-то сунул в руки холодную банку пива, и, положив себе на тарелку подгорелый кусок мяса, Карл направился в дом, затылком чувствуя провожавшие его доброжелательные взгляды. Когда он молчал, эти ребята никогда ни о чем не спрашивали, и за это он их тоже любил. Они привыкли к тому, что, когда у него в голове ворочаются мысли об очередном расследовании, достучаться до него труднее, чем до какого-нибудь политика местного значения. Впрочем, на этот раз в голове Карла ворочались мысли не о расследовании, а о Харди.

Его одолевали сомнения.

Может быть, надо еще раз взвесить все «за» и «против». Уж он-то нашел бы способ убить Харди так, чтобы об этом ни одна собака не прониюхала. Пузырек воздуха в капельницу или зажать ему рукой рот. Дело недолгое, потому что Харди не стал бы сопротивляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.